

Годвин Уильям. О собственности

1793, источник: Сайт [Автономного действия](#), Текст приводится по единственному русскому изданию фрагментов «Исследования о политической справедливости» Годвина: Москва, Издательство АН СССР, 1958г.

"Годвин исходил из тезиса о доброй природе человека, на которую дурно влияют государственные институты, и предложил анархо-коммунистическую программу социальных преобразований". - Петр Рябов.

- [О Годвине](#)
- [Основная часть](#)
  - [Глава I. Изображение истинной системы собственности](#)
  - [Глава II. Преимущества, вытекающие из правильной системы собственности](#)
  - [Глава III. Возражение против нашей системы, основанное на мысли о положительном влиянии роскоши](#)
  - [Глава IV. Возражение против нашей системы, основанное на опасении соблазнов праздности](#)
  - [Глава V. Возражение против нашей системы, основанное на ее неустойчивости](#)
  - [Глава VI. Возражение против нашей системы, основанное на жесткости создаваемых ею ограничений](#)
  - [Глава VII. Возражение против нашей системы с точки зрения роста народонаселения](#)
  - [Глава VIII. Способ установления истинной системы собственности](#)
- [Приложения](#)
- [Примечания](#)

О Годвине

Видеолекция Петра Рябова

<https://www.youtube.com/embed/4e1CQyAWOpE>

Жизнь и творчество

Вильям Годвин родился в 1756 году в Англии в семье диссидентского проповедника в городе Уисбиче Кембриджского графства. Проповедничество и священнослужительство составляли традицию в семье Годвинов, и Вильям с детства предназначался к той же деятельности. Он рос физически слабым, но с ярко выраженными умственными интересами. Семья Годвина, переехав в местечко Гествик Сеффолкского графства, пригласила учительницу местной школы для чтения с Вильямом священного писания, так что уже в 7-летнем возрасте он хорошо знал его. Решение пойти по стопам отца закрепилось в сознании мальчика. Вскоре он начал посещать школу, где обучался письму, арифметике и латыни. По истечении трех лет, окончив обучение в этой школе, Вильям был отправлен в Норвич для продолжения образования к пастору-индепенденту Ньютону, который сумел возбудить жажду знаний в своем способном ученике.

В 1772 году отец Годвина умер, но мать помогала сыну из своих небольших средств, чтобы дать ему возможность продолжать учение. В 1773 году Вильям поступил в диссидентский колледж в Хокстоне близ Лондона. Преподаватель литературы Киппис оказал большое влияние на Годвина, и юноша начал с усердием изучать античных классиков. Здесь Годвин испытал первые сомнения в христианском учении. Еще до окончания школы он читал проповеди небольшим общинам, а по окончании школы в 1777 году поступил диссидентским проповедником в одну деревню в Хертфордширском графстве. В 1784 году Годвин опубликовал свои проповеди под названием «Исторические эскизы в шести проповедях». Сомнения в правильности избранного им пути обострились под воздействием французских просветителей, которых он теперь прочел. Руссо, Гольбах и Гельвеций окончательно расшатали его религиозные убеждения. Покинув свою общину в 1782 году, Годвин переехал в Лондон, занялся литературным трудом и в следующем году выпустил анонимно свою первую историческую работу «Жизнь Чатама». Прежде чем навсегда посвятить себя литературной и научной деятельности, Годвин попытался основать школу для обучения мальчиков. Но опубликованные им анонимно «Сведения о семинарии, который будет открыт в понедельник 4 августа в Ипсومه в Сюррее» не встретили отклика, ученики не являлись, и Годвин отказался от этой мысли. С этого времени, сложив с себя сан, он уже безвозвратно

отдался литературному труду. Средств к существованию у него не было, он не обладал достаточным жизненным опытом, но был способен к напряженному труду, а идеи французских просветителей указывали ему путь. В 1784 году анонимно вышел его труд «Литературный вестник», представляющий собой критический обзор ряда книг, которые должны были выйти в том же году. Вскоре Годвину было предложено сотрудничать в ежемесячном политическом и историческом журнале «Английское обозрение» («The English Review»). До сих пор не удалось установить, какие статьи были написаны им, так как авторы свои статьи не подписывали. Хотя материальное положение Годвина улучшилось, но все же ему порой приходилось закладывать часы или платье, чтобы иметь возможность пообедать. В этот период он познакомился с человеком, ставшим его другом на долгие годы. Речь идет о Томасе Голкрофте, актере и драматурге, который укрепил интерес Годвина к французской философии и его веру в значение рационалистических принципов. Большой жизненный опыт Голкрофта был в дальнейшем также небесполезен для Годвина в его замкнутой и трудовой жизни, когда он стал работать в области беллетристики. В 1786 году Годвин начал также сотрудничать в либеральном «Новом ежегоднике» («New Annual Register»), где вел исторический отдел. Вместе с тем он продолжал заниматься философией и историей, подготавливая себя к большому труду, план которого еще не был готов.

Разразившаяся в 1789 году во Франции революция произвела на Годвина огромное впечатление. Вместе со всеми сторонниками французской просветительной философии он видел в ней торжество теории о всемогуществе разума. Последующие годы Годвин посвятил целиком изучению политических проблем. Одно время он даже помышлял о том, чтобы выставить свою кандидатуру в парламент, но отказался от этой мысли, считая себя неспособным к практической политической деятельности.

В 1790 году появились «Размышления о французской революции» Бёрка, представлявшие первый опыт оценки событий во Франции с реакционной точки зрения. В 1791 году в ответ Бёрку радикальный писатель Томас Пэн издал книгу «Права человека». Годвин не мог не быть затронут этой контроверзой по поводу интересовавших его проблем. В этом же году он задумал свой капитальный труд «Исследование о политической справедливости». Отказавшись от журнальной работы, он принялся за книгу, которая, по его мнению, должна была поставить вопрос о политических принципах на непоколебимую основу. Проработав с огромным усердием 16 месяцев, он уже в 1793 году выпустил книгу, принесшую ему славу. Через несколько недель по ее выходе Годвин стал известен всей читающей Англии. Появление «Исследования о политической справедливости» было как нельзя более своевременным, так как с развитием французской революции интерес к политическим и социальным проблемам стал всеобщим, и успех книги Годвина был очень велик.

Уже в 1794 году вышел в свет его известный роман «Вещи как они есть, или Калед Вильямс». Из всех художественных произведений Годвина только этот роман имел долгую жизнь, он и теперь еще не утратил своего значения[1]. К славе политического писателя Годвин присовокупил славу художника. В этом произведении Годвин популяризировал мысли, высказанные им в «Исследовании о политической справедливости».

В это время в Англии уже подымала голову политическая реакция, что обуславливалось страхом господствующей верхушки перед французскими событиями. Начались

политические преследования. В мае 1794 года были арестованы и обвинены в государственной измене члены радикально-демократического «Корреспондентского общества» за пропаганду политических реформ. Обвинение поддерживал лорд-главный судья Эйр. Годвин написал статью под названием «Беглая критика обвинения предъявленного лордом-главным судьей Эйром большому жюри присяжных». Опубликованная в газете анонимно, она была перепечатана брошюрой и распространена по всей стране. Внимание прогрессивных кругов Англии было так возбуждено, что суд вынужден был уступить давлению и оправдать всех обвиняемых. Вскоре авторство Годвина стало известно, и популярность его достигла своего апогея. В следующем году он выступил против реакционной политики правительства в памфлете «Размышления о законопроектах лорда Гренвиля и г-на Питта».

В 1797 году Годвин женился на известной в то время в Англии публицистке Мэри Уолстонкрафт, авторе книги «Защита прав женщин». В том же году он закончил новую работу «Исследователь: размышления о воспитании, нравах и литературе». Она примечательна тем, что побудила тогда еще никому не известного Мальтуса написать «Очерк о законе народонаселения».

Семейное благополучие Годвина продолжалось недолго: жена его умерла при рождении первого ребенка. В 1798 году Годвин опубликовал ее жизнеописание под названием «Биография автора книги о защите прав женщин». Через год он издал роман «Сент-Леон». В этом романе, как и в «Калебе Вильямсе», Годвин выступает против привилегий, даваемых богатством и знатностью. Роман имел большой успех. В этот момент реакция в Англии праздновала победу, и Годвин стал предметом многочисленных нападок. Известный поэт «Озерной школы» Кольридж начала 1796г. выпускать журнал «Страж» («Watchman»), занимавшийся вопросами религии, политики и этики с реакционных позиций. В нем Кольридж объявил принципы Годвина морально порочными и оспаривал всемогущество разума. Еще более чувствительный удар был нанесен Годвину его бывшим другом, священником Парром, который в своей пасхальной проповеди в 1801 году воспользовался случаем, чтобы резко напасть на всю так называемую «новую философию» и ее защитников, главным же образом на Годвина. Эта проповедь была напечатана, и Годвин ответил на нее памфлетом «Мысли, вызванные чтением проповеди д-ра Парра», полемизируя не только с автором проповеди, но со всеми своими противниками, в том числе и с Мальтусом. Он пишет, что погребен в одной общей могиле с делом свободы и с любовью к ней.

В 1800 году Годвин написал белыми стихами трагедию «Антоний». Трагедия, однако, успеха не имела и выдержала только одно представление. Материальное положение Годвина было уже подорвано, а расчет на успех пьесы не оправдался. С этого времени он постоянно испытывал угрозу нужды и всегда был опутан сетью долгов. Между тем семья его возросла, так как в конце 1801 г. он вторично женился на вдове Клермон с двумя детьми. Вскоре прибавился еще сын Вильям. Новая семейная жизнь складывалась негладко: жена Годвина не жаловала его друзей и вносила разлад в его отношения с ними.

Неуспех «Антония» не смутил автора, и он еще раз со свойственным ему упорством решил испробовать свои силы в драматургии, однако новая трагедия «Фокинир», хотя и прошла шесть раз, но репутации его как драматурга не укрепила. Еще до написания этой трагедии

Годвин решил вернуться к давно оставленной им области, к истории. 1801–1802 годы он посвятил изучению XIV века, и в 1803 году выпустил «Историю жизни Чосера и его эпохи». Скучность биографических материалов об этом английском поэте побудила Годвина заняться тщательным изучением быта и нравов эпохи. Но и этот его труд был плохо принят реакционной журналистикой, так как имя Годвина стало для нее одиозным. Между тем материальное положение его продолжало ухудшаться. В 1805 году вышел третий роман Годвина «Флитвуд». В нем социальные мотивы не играют существенной роли, главное место занимают любовно-психологические переживания героя Флитвуда. Роман этот слабее не только «Калеба Вильямса», но и «Сент-Леона». Он не принес ожидаемого Годвином облегчения в материальном отношении. Годвин решил заняться издательской деятельностью и основал в том же году издательство под названием «Юношеская библиотека», которое он вел в течение двадцати лет. Годвин опубликовал ряд написанных им самим книг для школьников и молодежи как учебных, так и для занимательного чтения, например, басни, Пантеон греческих и римских богов, краткую историю Англии, историю Рима, историю Греции, учебные книги по английской грамматике и языку, биографию претендентки на английский престол в XVI веке Джен Грей. Писал он под псевдонимами Эдуарда Балдуина и Теофила Марклифа, и книги его были хорошо приняты прессой. Но из-за неумения вести коммерческое дело Годвин не мог выпутаться из долгов.

За это же время появились только два произведения Годвина, выпущенные под собственным его именем, именно: «Жизнь Эдуарда и Джона-Филипса, племянников и учеников Мильтона» и «Очерк о гробницах», оба историко-познавательного значения. Редущий круг друзей Годвина пополнился в 1812 году, тогда еще молодым поэтом Шелли, на которого «Исследование о политической справедливости» произвело большое впечатление. Надо упомянуть, что Шелли вступил в брак с дочерью Годвина от первой жены — Мэри. Он не мог оформить брак, так как не получил развода с первой женой. Это обстоятельство разрушило дружбу философа с поэтом. В 1819 году в жизни Годвина произошла тяжелая катастрофа — покончила самоубийством усыновленная и воспитанная им дочь его первой жены — Фанни Годвин. Самоубийство Фанни Годвин тщательно скрывал, чтобы не возбудить против себя и так уже враждебных ему журналистов.

В 1817 году Годвин, терзаемый житейскими заботами, сумел закончить новый роман «Мандевиль», действие которого отнесено ко времени Кромвеля. Герой этого романа, по имени которого он назван, несет уже на себе черты романтической разочарованности, характерные для начала XIX века.

Теперь, впервые после ответа на проповедь священника Парра в 1801 году, Годвин снова вернулся к вопросам социально-политическим. После опубликования «Мандевилья» он отдал все свое время ответу на книгу Мальтуса «Очерк о законе народонаселения», которая была использована реакционными политиками как орудие против трудящихся в их борьбе за улучшение своего положения. Уже в «Исследовании о политической справедливости» Годвин посвятил одну главу вопросу о росте народонаселения. Теперь в ответ на книгу Мальтуса он выпустил новый труд «О народонаселении». Выход этой книги и ее успех не задержали постепенно подготовлявшегося разорения Годвина. Ко всем заботам и горестям прибавилась в 1822 г. еще одна — смерть Шелли. Через два года после этого Годвин был объявлен банкротом, и «Юношеская библиотека» прекратила свое существование.

За последние пятнадцать лет своей жизни, несмотря на старость, Годвин сумел написать ряд работ, в том числе такую обширную, как «История английского государства от его начала до реставрации Карла II», и романы «Клаудсли» и «Делорен». Наибольший интерес представляет его сочинение «Размышления о человеке, его природе, его труде и изобретениях», в котором он уже не так высоко оценивает разум, но в отношении основных причин человеческих бедствий остается на прежних позициях. Последнее изданное при жизни Годвина сочинение называлось «Биография некромантов». Оно вышло, когда автору было уже 78 лет, и было очень плохо принято, так как в число магов автор включил библейские персонажи и проявил скептицизм в отношении ряда чудес, описываемых в Библии. До последнего дня, несмотря на свои немощи, Годвин продолжал работать над трудом, который был назван им «Разоблачение духа христианства». Умер Годвин 27 марта 1836 года. Последняя его книга была издана только в 1873 году под названием «Очерки».

Настоящая работа представляет собой перевод восьмой книги «Исследования о политической справедливости». Эта часть работы Годвина особенно интересна для оценки его отношения к проблеме собственности и его социального идеала. В приложении даны наиболее значительные отрывки из других частей его труда. Перевод сделан с первого издания 1793 года С. А. Фейгиной. Ею же составлен и комментарий.

Основная часть

Глава I. Изображение ИСТИННОЙ СИСТЕМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Значение этой темы.— Искажения при ее обсуждении.— Критерии права собственности: справедливость.— Она разрешает каждому человеку удовлетворять свои физические потребности до таких пределов, которые допускаются общим состоянием запасов.— Она же позволяет пользоваться материальным благополучием.— Оценка роскоши.— Ее губительное влияние на людей, пользующихся ею.— Идея труда как источника рассматриваемой нами собственности.— Неразумие ее.— Характер народной нравственности, проистекающий из собственности.— Ее недостатки.

Вопрос о собственности представляет краеугольный камень, на котором покоится все здание политической справедливости. В зависимости от того, правильны ли наши представления о ней, они помешают или помогут нам представить себе последствия установления простой формы общества без правительства и устранить предрассудки, диктующие нам его сложную форму. Ничто не способно так сильно исказить наши суждения и мнения, как ошибочные представления, касающиеся значения богатства. Наконец, системе принуждения и наказания будет положен предел в ту эпоху, в которую право собственности будет основано на справедливых началах.

При управлении собственностью совершалось бесконечное количество совершенно непоправимых злоупотреблений. Каждое из них можно было бы с большой пользой сделать предметом особого рассмотрения. Мы могли бы изучить притеснения, вызванные помышлениями о национальной величии или тщеславием властей. Это привело бы нас к правильной оценке разного рода обложения, относящегося к недвижимости или к торговле, и имеющего своим объектом предметы необходимости или роскоши. Мы могли бы исследовать злоупотребления, которые присовокупились к коммерческой системе в виде монополий, хартий, патентов, покровительственных пошлин, правительственных запретов и поощрений. Мы могли бы обратить внимание на последствия, проистекавшие из феодального порядка и иерархической системы в виде сеньориальных оброков, поземельной подати, пошлины за провоз, наследственной пошлины, фригольдов, копигольдов и маноров{1}, вассалитета и права первородства. Мы могли бы изучить права церкви в виде права на первые плоды и на десятину. Мы могли бы рассмотреть вопрос о правильности такого порядка, при котором человек, обладающий неограниченным правом на

значительную собственность в течение своей жизни, может располагать ею по своему усмотрению тогда, когда законы природы установили предел его власти. Изучив все это, мы поняли бы огромное значение этих вопросов. Однако не будем на них останавливаться, но конец настоящей работы посвятим не каким-нибудь отдельным злоупотреблениям, связанным с управлением собственностью, но тем общим началам, которые лежат в ее основе и которые при всей своей ложности должны рассматриваться не только как источник перечисленных выше злоупотреблений, но и множества других, слишком многочисленных и сложных для краткого перечисления.

На основании какого же критерия можно установить, что такие-то вещи, пригодные для увеличения человеческого благополучия, должны рассматриваться как ваша или моя собственность? На этот вопрос может быть только один ответ — на основании справедливости. В таком случае, обратимся к принципу справедливости[1].

[1] Кн. II, гл. II{2}.

Кому должен по справедливости принадлежать какой-либо предмет, скажем, каравай хлеба? Тому, кто больше всех нуждается в нем или кому обладание им будет наиболее полезно. Перед нами шесть человек, измученных голодом, и каравай может удовлетворить их всех. Кто же вправе предъявить разумные претензии на то, чтобы одному воспользоваться теми свойствами, которыми наделен этот хлеб? Возможно, что все эти люди братья, а по праву первородства хлеб должен быть предоставлен одному старшему. Но разве такое решение было бы справедливым? Законы разных стран распоряжаются собственностью тысячами разных способов, но только один способ может быть согласен с разумом.

Легко можно представить себе случай гораздо более яркий, чем только что изображенный. Я владею ста караваем хлеба, а на соседней улице живет бедный человек, умирающий с голоду, которому один из этих караваев мог бы сохранить жизнь. Лишая его этого хлеба, разве я не поступаю несправедливо? А если я наделяю его хлебом, разве я не делаю как раз то, чего требует справедливость? Но кому же должен принадлежать по справедливости хлеб?

Предположим, что я нахожусь в хорошем материальном положении и не нуждаюсь в этом хлебе для обмена на что-нибудь другое или для его продажи, чтобы приобрести какие-нибудь другие предметы, необходимые для человека. Наши животные потребности давно уже описаны и, как известно, состоят из нужды в пище, одежде и убежище. Если справедливость вообще что-нибудь значит, то не может быть ничего более несправедливого, чем-то обстоятельство, что один человек обладает всякими излишними вещами, в то время как имеются человеческие существа, лишенные в значительной степени даже необходимого.

Но действие справедливости не останавливается здесь. Поскольку хватит общих запасов, каждый человек будет иметь право не только на все средства к существованию, но и на хорошее существование. Несправедливо, чтобы один человек трудился так, что губил бы свое здоровье или жизнь, в то время как другой нежил бы в роскоши. Несправедливо,

чтобы один человек был лишен досуга для развития своих интеллектуальных способностей, в то время как другой не делал бы ни малейшего усилия для увеличения общего количества благ. Способности всех людей одинаковы. Справедливость требует, чтобы каждый человек, за исключением того случая, когда он используется иначе с большей пользой для общества, участвовал в работах, необходимых для получения урожая, из которого каждый потребляет свою долю. Эта обоюдность, обсуждавшаяся тогда, когда она была предметом особого рассмотрения, представляет самую сущность справедливости. Теперь мы посмотрим, как обеспечить вторую часть этой обоюдности, именно необходимый труд, обеспечивающий каждому человеку право требовать свою долю продуктов.

Если мы на минуту подумаем о природе роскоши, то увидим ее в поразительном свете. Весьма понятно, что богатство каждого государства может рассматриваться как совокупность всех доходов, ежегодно потребляемых в этом государстве без уничтожения материала, предназначенного для такого же потребления в следующем году. Рассматривая этот Доход как результат труда жителей, чем он почти во всех случаях и является, придется сделать вывод, что в цивилизованных странах крестьянин часто потребляет не больше двадцатой части продукта своего труда, в то время как его богатый сосед потребляет порой результат труда двадцати крестьян. Выгода, получаемая таким счастливым смертным, конечно, должна считаться чрезмерной.

При этом совершенно очевидно, что условия, в которых он находится, все же далеки от благоприятных. Человек, получающий сто фунтов стерлингов в год, находится в условиях в тысячу раз более благоприятных, если только он сам понимает, в чем счастье. Что может сделать богач со своим огромным богатством? Может ли он съесть бесчисленное количество блюд из самых дорогих сортов мяса или выпить бочки вина самого лучшего букета? Умеренность в еде гораздо полезнее для здоровья, для ясности рассудка, для бодрого расположения духа и даже для хорошего пищеварения. Почти все остальные расходы служат только для удовлетворения тщеславия. Никто, кроме самого низкого сластолюбца, не станет оплачивать даже просто обильный стол, если у него не окажется зрителей, будь то слуги или гости, чтобы любоваться его богатством. Для кого наши роскошные дворцы и дорогая мебель, наши экипажи и даже сама наша одежда? Дворянин, который позволил бы впервые своему воображению углубиться в вопрос, как бы он устроил свою жизнь, если бы никто за ним не наблюдал и ему не надо было бы никому угождать, кроме самого себя, несомненно очень бы удивился, обнаружив, что тщеславие было главным двигателем всех его поступков.

Тщеславие ставит себе целью добиться восхищения и одобрения зрителей. Нам нет надобности обсуждать истинную цену одобрений. Даже признав, что оно не менее ценно, чем люди предполагают, надо отметить, как презренна причина такого одобрения, к которому стремится богатый. «Аплодируйте мне, потому что мой предок оставил мне большое состояние». Какая в этом заслуга? Затем, первое следствие богатства заключается в лишении собственника способностей к рассуждению, он становится неспособным понимать истинную правду. Богатство побуждает его любить то, что не удовлетворяет человеческие потребности и не нужно человеческой душе, вследствие чего уделом собственника становятся разочарование и несчастье. Самое большое из всех личных благ — это душевная независимость, позволяющая нам чувствовать, что наши радости не зависят

ни от людей, ни от судьбы, а также душевная активность, хорошее расположение духа, вытекающее из труда, постоянно применяемого ради целей, внутренняя ценность которых признается нами самими.

Таким образом, мы сравнили счастье человека чрезмерно богатого со счастьем человека, получающего сто фунтов стерлингов в год. Но вторая часть сравнения была взята в соответствии с существующими предрассудками. Даже при теперешнем состоянии общества мы можем понять, что человек, который бы постоянно зарабатывал необходимые средства к существованию посредством очень умеренного труда, причем его делам не мешали бы сварливость или капризы соседей, был бы не менее счастлив, чем человек, уже рожденный с этими средствами. При том состоянии общества, которое мы рассматриваем и при котором, как мы сейчас увидим, требующийся труд будет очень легким, каждому человеку отнюдь не будет казаться несчастьем необходимость проявлять умеренную деятельность и вследствие этого сознавать, что никакие удары судьбы не могут лишить его средств к существованию и чувства довольства.

Но указывалось, «что разные люди проявляют совершенно разные степени трудолюбия и усердия и что поэтому было бы несправедливо, чтобы они получали одинаковое вознаграждение». Конечно, нельзя отрицать, что достижения людей в добродетелях, как и их полезность, ни в коем случае не могут быть сравниваемы. Очень легко установить, насколько теперешняя система собственности содействует справедливому их вознаграждению. Она предоставляет одному человеку огромные богатства на основании случайности рождения. Человек же, которому удастся из нищеты подняться до достатка, как известно, обычно не совершает этого перехода способами, делающими честь его добросовестности и полезности. Самые трудоспособные и деятельные члены общества часто лишь с большим трудом спасают свои семьи от голода.

Но пройдем мимо вопроса о несправедливости, вытекающей из неравного распределения собственности, и рассмотрим, каково должно быть вознаграждение за труд. Если вы трудолюбивы, то вы получите в сто раз больше пищи, чем вы в состоянии съесть, и в сто раз больше одежды, чем вы сможете носить. Где же тут справедливость? Если бы даже я был величайшим благодетелем человечества, то разве это основание, чтобы одарять меня тем, что мне не нужно, особенно, когда имеются тысячи, которым бы эти излишки принесли огромную пользу? Получая их, я не приобрету ничего, кроме удовлетворения тщеславия, и, возбуждая зависть, испытаю жалкое удовольствие от возвращения бедным под именем великодушия того, на что разум дает им бесспорное право: так порождаются предрассудки, заблуждения и пороки.

Учение о неправедности накопления богатств лежит в основе нравственности, проповедуемой религией. Целью этого ученья было возбуждение в людях личных добродетелей, которые бы противодействовали этой неправедности. Самые деятельные учителя церкви были силою вещей принуждены излагать истинную правду об этом важном предмете. Они учили богатых, что принадлежащие им богатства только доверены им, что богатые должны будут дать отчет в каждом расходе, что они являются только управителями и ни в коем случае не собственниками[2]. Недостаток этого учения заключается в том, что оно побуждает нас не отказаться от нашей несправедливости, а

лишь слегка смягчать ее.

[2] Кн. II, гл. II{3}. Взгляды Свифта{4}.

Нет истины более простой, чем та, которую оно предполагает. Не существует ни одного человеческого действия и тем более ни одного действия, относящегося к собственности, которое не знало бы градаций в лучшую или худшую сторону и которое нельзя было бы оценивать с точки зрения разума и морали. Человек, признающий, что другие люди обладают такой же природой, как и он сам, и способный понять, какое точно место он занимает с точки зрения беспристрастного наблюдателя, должен ясно сознавать, что деньги, затраченные им на приобретение предмета, не приносящего никакой пользы ему самому, использованы плохо, так как они могли бы принести существенную пользу кому-нибудь другому. Человек, рассматривающий свою собственность в свете истины, будет стремиться каждому своему шиллингу дать назначение, соответствующее требованиям справедливости. Но в то же время он будет испытывать большие страдания, не зная, какое же назначение должно быть дано деньгам с точки зрения справедливости и общественной полезности.

Может ли кто-нибудь сомневаться в правильности этих утверждений? Может ли кто-нибудь сомневаться в том, что, употребляя какую-то сумму денег, большую или малую, на приобретение предмета чистой роскоши, я становлюсь виновен в порочном действии? Давно пора, чтобы этот вопрос был правильно оценен. Давно пора либо совершенно отказаться даже от упоминания таких слов, как справедливость и добродетель, либо признать, что они не позволяют нам окружать себя всяческой роскошью, в то время как другие лишены необходимых средств к существованию и счастью.

Религия внушала людям мысль о беспристрастном характере справедливости, но ее учителя были слишком склонны трактовать дело осуществления справедливости не как обязанность, какой ее надо считать, а как добровольное проявление благородства и великодушия. Они призывали богатых быть милосердными и сострадательными к бедным. Вследствие этого богатые, давая самую ничтожную долю своих громадных средств на так называемые дела благотворения, ставили себе это в заслугу, вместо того, чтобы считать себя преступными за то богатство, которое они сохраняли.

В действительности, религия приспособляется во всех своих предписаниях к предрассудкам и слабостям человечества. Ее создатели сообщили миру как раз такую долю истины, которую, по их мнению, мир был склонен признать. Но наступило время отложить наставления, предназначенные для слабых разумом[3], и рассмотреть саму природу и сущность вещей. Если бы религия ясно предписывала нам, что по справедливости люди должны получать все необходимое для их потребностей, то мы начали бы подозревать, что добровольные пожертвования со стороны богатых представляют весьма обходный путь и недейственный способ для достижения указанной цели. Опыт всех времен учит нас, что такой порядок дает совершенно случайный результат. Основная цель, преследуемая им, заключается в том, чтобы снабжение бедных было передано на усмотрение немногих лиц, которые проявляют мнимое великодушие, распоряжаясь тем, что по существу им не принадлежит, и приобретают благодарность бедных, уплачивая лишь свой долг.

[3] I Кор., гл. III, ст. 1, 2{5}.

Это — система милосердия и благотворительности вместо системы справедливости. Она преисполняет богатых безосновательной гордостью, вследствие фальшивых похвал, расточаемых их поступкам, и в то же время делает бедных угодливыми, так как побуждает их рассматривать те убогие блага, которые они получают, не как бесспорно им принадлежащие, но как результат соизволения и милости их богатых соседей.

Глава II. Преимущества, вытекающие из правильной системы собственности

Противопоставление правильной системы собственности злу, производимому существующей системой; это зло состоит: 1) в чувстве зависимости; 2) в постоянном лицемерии картины несправедливости, сбивающей людей с правильного пути в их желаниях и препятствующей здравомыслию их суждений,— богатые превращаются в настоящих нахлебников; 3) в противодействии интеллектуальным достижениям; 4) в умножении пороков — распространение преступлений среди бедных, страсти богатых, бедствия войны; 5) в уменьшения народонаселения.

После того как мы поняли справедливость равномерного распределения собственности, нам надо рассмотреть связанные с ним преимущества. И здесь мы должны с горечью признать, что как бы ни было велико и распространено зло, создаваемое монархиями и их дворами, плутовством священников и несправедливостью уголовных законов, это все глупости и пустяки по сравнению со злом, вызываемым существующей системой собственности.

Первый ее результат — это уже упоминавшееся нами чувство зависимости. Несомненно, что придворные настроены низменно, что они интриганы и низкопоклонники и что этими склонностями заражаются от них все слои общества. Но собственность непосредственно порождает в каждом доме подобострастие и раболепие. Понаблюдаем за бедняком, льстящим с отвратительной низостью своему богатому благодетелю и не находящим слов для выражения благодарности за то, что он имел право требовать с поднятой головой и с сознанием полной обоснованности своих требований. Понаблюдаем за слугами, сопутствующими своему богатому господину, когда они ловят его взгляд, готовые предупредить его приказание, когда они не дерзают отвечать на его грубости, отдавая все свое время и все усердие в угоду его капризам. Понаблюдаем за торговцем, за тем, как он изучает страсти своих клиентов не с целью их исправления, а с целью удовлетворения, за низостью его лести и за той неизменной последовательностью, с которой он превозносит достоинства своего товара. Понаблюдаем за ходом выборов, когда в них участвует широкая масса, которую привлекают угодничеством, спаиванием и подкупом или понуждают

недостойным страхом бедности и преследования. Конечно, «век рыцарства» еще не «кончился»[4]. Еще жив феодальный дух, низводящий массу человечества на уровень рабов и скота, созданного для угождения немногим.

[4] «Размышления» Бёрка{6}.

Мы немало слышали о химерических и нереальных способах улучшения положения. Конечно, ждать добродетели от человечества было бы химерично и нереально, пока оно ежечасно подвергается развращению и от отца к сыну продает свою независимость и совесть за ту низменную награду, которой его одаряет гнет. Ни один человек не может быть полезен другим или счастлив сам, если он лишен достоинств, создаваемых твердостью, и не привык предпочитать веления собственного чувства справедливости всем деспотическим приказаниям и обольстительным искушениям. Здесь религия может послужить для иллюстрации нашего положения. Религия была следствием благородного кипения людей, которые давали волю своему воображению в высоких вопросах и без удержу пускались в безбрежную область исследований. Поэтому нечего удивляться, если они приходили к несовершенным идеям самого возвышенного свойства из числа тех, что создаются интеллектом. Можно привести в виде примера учение религии о том, что истинное совершенство человека заключается в освобождении от влияния страстей, что он не должен иметь искусственных потребностей, чувственных желаний и страхов. Но мысль о возможности освободить человеческий род при теперешних условиях от влияния страстей представляется фантастической. Люди, ищущие истины и желающие облагодетельствовать человечество, хотели бы устранить внешние влияния, содействующие его дурным наклонностям. Но истинная задача, которую надо было бы всегда иметь в виду, заключается в искоренении всех представлений о снисхождении и о превосходстве и во внедрении всем людям сознания, что добросердечие они проявлять обязаны и что на просимую ими помощь они имеют право.

Второе зло, вытекающее из существующей системы собственности, заключается в том, что она постоянно выставляет напоказ несправедливость. Это зло выражается частью в роскоши, частью — в своенравии. Ничего нет более губительного для человеческого духа, чем роскошь. Этот дух, будучи по своей собственной природе существенно активным, неизбежно сосредоточивает свои усилия на какой-либо общественной или личной задаче, а в последнем случае стремится к достижению в чем-нибудь превосходства над другими и чего-нибудь, что должно вызывать уважение и признание других. Сама по себе эта наклонность ценнее всяких других. Но существующая система собственности направляет ее в сторону приобретения богатства. Показная роскошь богатых постоянно вызывает у зрителей жажду достатка. Вследствие раболепства и чувства зависимости, которые создаются богатством, богатые выдвигаются над общим уровнем как единственное средоточие общего уважения и признания. Напрасны будут умеренность, честность и трудолюбие, напрасны самые высокие силы духа и самое горячее милосердие, если обладатель их будет находиться в материально стесненных обстоятельствах. Поэтому приобретение богатства и щеголяние им стали всеобщей страстью. Все построение человеческого общества привело к системе самого узкого эгоизма. Если бы себялюбие и милосердие явно имели бы единую цель, то человек, начавший со стремления к знатности, мог бы со дня на день становиться все более великодушным в своих взглядах и

филантропически настроенным. Но люди привыкли думать, что страсть, описываемая нами здесь, удовлетворяется на каждом шагу путем бесчеловечного попиранья чужих интересов. Богатство достигается посредством обмана ближнего и растрачивается в надругательстве над ним.

То зрелище несправедливости, которое выставляет напоказ существующая система собственности, частью заключается в проявлении своенравия. Если вы цените в человеке его любовь к справедливости, то вы должны стараться, чтобы принципы ее были усвоены им не только на словах, но на деле. Мы видим порой, что в процессе воспитания начала честности и бескорыстия внушаются систематически и что воспитатель не дает простора низменным соблазнам себялюбия и лукавства. Но как разрушаются и опрокидываются эти внушения, когда ученик вступает на жизненную арену! Если он спросит: «Почему почитают этого человека?», то получит готовый ответ: «Потому, что он богат». Если же он задаст затем вопрос: «Почему он богат?», то в большинстве случаев услышит: «По случайности рождения или вследствие мелочного и низкого стремления к стяжательству». Система накопления собственности является следствием гражданского порядка, а он, как нас учат, является продуктом накопленной мудрости. Мудрость же законодателей и сенаторов была направлена на обеспечение самого безобразного и беспринципного распределения собственности, которое представляет собой вызов началам справедливости и основам человеческой природы. Человечество оплакивает бедствия крестьянства во всех цивилизованных странах, а когда оно отвращает свой взгляд от этой картины и видит зрелище, представляемое роскошью господ, роскошью высокомерной и расточительной, то оно, конечно, испытывает чувства не менее острые. Вот это зрелище и было той школой, в которой обучалось человечество. Оно так приучилось к виду несправедливости, гнета и неправедности, что его чувства притупились, а разум стал неспособен понимать природу истинной добродетели.

Когда мы приступали к перечислению зол, проистекающих из накопления собственности, то мы сравнили их размер с размером зла, создаваемого монархиями и дворами. Самое острое осуждение вызывали раздача подачек и денежная коррупция, благодаря которым сотни людей получают вознаграждение не за то, что они служат, но за то, что они предают интересы народов; заработки, достаемые в результате тяжелого труда, служат для откармливания низких прислужников деспотизма. Но земельная рента{7} в Англии составляет гораздо более крупную сумму платежей чем та, которая, как мы предполагаем, употребляется для приобретения необходимого для правительства большинства. Все богатства вообще, но особенно наследственные богатства, должны рассматриваться как плата за синекуры там, где сельские и мануфактурные рабочие исполняют свои обязанности, а принципалы тратят доход на роскошь и безделье[5]. Наследственное богатство — это, в сущности, премия, выплачиваемая за безделье, это огромный ежегодный сбор, затрачиваемый на то, чтобы человечество оставалось в состоянии грубости и невежества. Бедные остаются невежественными за отсутствием досуга. Богатые имеют, конечно, возможность получать лоск и образование, но их оплачивают за то, что они беспутны и ленивы. Самые сильные средства злонамеренно и систематически применяются для того, чтобы помешать им развить свои способности и стать полезными для людей.

[5] Эту мысль можно найти у Огильви в опубликованном около двух лет тому назад труде «Исследование о праве собственности на землю» (ч. I, раздел iii, § 38 и 39){8}. Рассуждения этого автора представляют порой значительный интерес, хотя он ни в коем случае не вскрывает самого корня зла.

Если бы цитирование работ авторитетных лиц заменяло правильный метод рассуждения, то многим читателям было бы интересно вспомнить тех писателей, которые открыто нападали на систему накопления богатств. Самый известный из них Платон{9} и его трактат о государстве. По его стопам пошел Томас Мор{10} в «Утопии». Образцы очень глубоких рассуждений на ту же тему можно найти в «Путешествиях Гулливера»{11}, особенно в ч. IV, гл. VI. Мабли{12} в книге «О законодательстве» широко показал преимущества равенства, но затем оставил этот вопрос в сознании безнадежности дела, так как придерживался мнения о неискоренимости человеческих пороков. Уоллес{13}, современник и противник Юма{14}, в трактате, озаглавленном «Различные представления о человечестве, природе и судьбе», щедро восхваляет ту же систему и отказывается от нее только из опасения чрезмерного перенаселения земли (см. гл. VII){15}. Большое практическое значение имеет опыт Крита, Спарты, Перу и Парагвая{16}. Этот перечень можно было бы легко расширить, если прибавить к нему те труды, в которых была сделана лишь попытка приблизиться к изложенным принципам и авторы которых лишь вскользь положительно высказывались об учении, таком интересном и ясном, что его уже никогда нельзя будет с корнем вырвать из человеческого сознания.

Указания на несовершенство системы Платона и других писателей несущественны. Они, скорее, укрепляют воздействие их суждений, так как свидетельствуют о значении поддерживаемых ими взглядов, убедительность которых была так велика, что они овладели умами, несмотря на невозможность для них устранить трудности, связанные с их принципами.

Это приводит нас, в-третьих, к замечанию, что существующая система собственности есть подлинно уравнилельная система для человеческого рода, поскольку мы признаем, что развитие интеллекта и поощрение истины более ценны и более существенны для человека, чем удовлетворение его тщеславия и его вожделений. Накопление собственности втаптывает в грязь мыслительные способности, оно глушит искры дарования и погружает большую часть человечества в низкие заботы, помимо того, что оно лишает богатых, как мы уже говорили, самых благодетельных и целесообразных побуждений к действию. Если бы излишняя роскошь была устранена, то исчезла бы надобность в значительной части физического труда, а оставшая часть, добросовестно распределенная между всеми трудоспособными и здоровыми членами общества, не была бы обременительна ни для кого. Каждый человек пользовался бы умеренной, но здоровой пищей, каждый имел бы возможность разумно осуществлять все свои физические функции, что создавало бы бодрость духа, никто не тупел бы от усталости, но все имели бы досуг для развития доброжелательных и человеколюбивых склонностей души и для упражнения способностей, направленных на интеллектуальное совершенствование. Какой контраст представляет эта картина с теперешним состоянием человеческого общества, где крестьянин и рабочий трудятся, пока их разум не оцепенеет от изнурения, пока их мускулы не огрубеют и не отвердеют от постоянного напряжения, а тела не будут поражены болезнями, обрекающими

их на безвременную смерть. Каков же результат такой несоразмерной и беспрестанной работы? По вечерам они возвращаются к своим семьям, полунагим, изнуренным голодом и живущим в жалких убежищах, предоставленные на волю немилосердных стихий. Эти люди лишены малейших знаний, за теми редкими исключениями, когда им помогает показная благотворительность. Но тогда первые же полученные ими уроки приводят их к бесчестному раболепству. И все это в то время, когда их богатые соседи..., но о них мы уже говорили.

А как быстро и великолепно шло бы развитие умственных способностей людей, если бы все они имели доступ в мир познания. Сейчас девяносто девять человек из ста имеют не больше возможности систематически упражнять свои склонности к мышлению и удовлетворять свою любознательность, чем животные. Каково могло бы быть состояние общественной мысли у народа, если бы все люди были наделены знаниями, если бы все освободились от оков предрассудков и слепой веры, приняли бы с безбоязненным доверием внушения истины и сон душ был бы прерван навсегда! Можно предположить, что различие в силе рассудка до известной степени сохранилось бы навсегда, но правильно было бы думать, что в эту эру гений человечества превзойдет все достижения мысли, известные до сих пор. Талант не будет подавляться искусственными потребностями и скаредным покровительством. Люди будут проявлять свои дарования, освобожденные от ощущения пренебрежительного отношения к себе и терзающего их чувства гнета. Они будут свободны от тех страхов, которые постоянно направляют мысль на личные выгоды, и потому сумеют вольно развиваться в чувствах великодушных и в сознании общественного блага.

От вопросов умственного развития обратимся к проблеме нравственного совершенствования. Тут также очевидно, что все поводы к преступлениям будут пресечены навсегда. Все люди ценят справедливость. Они понимают, что они существа одной общей природы, и сознают правильность такого обращения друг с другом, которое основывалось бы на одной общей мерке. Каждый человек стремится помогать другим, как бы ни объяснять это; мы можем приписать это свойство инстинкту, присущему человеческой природе, благодаря которому оно становится источником личного удовлетворения, или считать, что такое поведение вытекает из понимания разумности взаимного содействия. Во всяком случае, оно настолько неизбежно входит в состав человеческого сознания, что ни один человек не совершает ни одного, самого преступного действия, не измыслив прежде какого-нибудь ложного умозаключения, какого-нибудь оправдания, которое должно доказать ему самому, что он поступает правильно[6]. Отсюда вытекает, что преступление, нарушение одним человеком безопасности другого, чуждо человеческому сознанию и что ничто не могло бы побудить его к этому, кроме давления острой необходимости. Если остановиться на существующем сейчас устройстве человеческого общества, то очевидно, что первым совершил правонарушение тот, кто создал для себя преимущественное положение, то есть воспользовался слабостью своих соседей для обеспечения за собой некоторых исключительных привилегий. Понятно, что, с другой стороны, человеку, который решился положить конец этому положению и настоятельно потребовал себе то, что было излишним для владельца, но крайне нужно ему самому, казалось, что он лишь восстанавливает нарушенные законы справедливости. Надо признать, что если бы не приведенное правдоподобное объяснение, то нельзя было бы поверить в существование на свете таких явлений, как преступления.

[6] Кн. II, гл. III{17}.

Обильный источник преступлений заключается в том обстоятельстве, что один человек с излишком обладает тем, чего другой лишен. Надо переделать самую природу человеческого сознания для того, чтобы помешать этому обстоятельству могущественно влиять на человека, когда он начинает ясно понимать существо положения. Человек должен быть лишен чувств, удовлетворенные вожеления и тщеславие должны перестать доставлять ему удовольствие для того, чтобы он мог спокойно лицезреть исключительные права других на такие удовольствия. Он должен быть лишен чувства справедливости, чтобы целиком и полностью оправдывать совместное существование бок о бок излишеств и нужды.

Конечно, правильный метод исправления неравенства должен быть дан разумом, а не сводиться к насилию. Но существующий порядок непосредственно ведет к тому, что люди убеждаются в бессилии рассудка. Несправедливость, вызывающая их нарекания, сохраняется при помощи насилия, и они чересчур легко склоняются к мысли исправить ее с помощью силы же. Они стремятся только к частичному устранению несправедливости, которая, как их учат, необходима, в то время как более мощные силы разума признают ее деспотической вообще.

Насилие было порождено исключительными привилегиями. Оно могло случайно появиться среди дикарей, чьи аппетиты превосходили их припасы или чьи страсти разгорались при виде предмета их вожелений, но постепенно такое насилие должно было прекратиться по мере развития разума и цивилизации. Однако накопленная собственность установила свое владычество, и с этого времени началась открытая борьба между силой и хитростью одной стороны и силой и хитростью — Другой. В этом случае ожесточенная и необдуманная борьба нуждающихся представляет несомненное зло. Они стремятся нанести удар тому самому делу, в успехе которого они глубочайшим образом заинтересованы; они задерживают торжество правды. Но по-настоящему преступны злобные и пристрастные склонности людей, думающих только о себе и пренебрегающих интересами других; к таким людям относятся богатые.

Дух угнетения, дух рабства и дух обмана — вот они-то и представляют непосредственное порождение существующей системы собственности. Они одинаково враждебны умственному и нравственному совершенствованию. А неотделимыми их спутниками являются другие пороки, именно зависть, злоба и мстительность. В таком обществе, в котором люди жили бы, пользуясь избытком всего, и где делили бы поровну дары природы, подобные чувства неизбежно исчезли бы. Узкие принципы эгоизма пропали бы. Люди не были бы вынуждены создавать свои собственные маленькие запасы или с трудом удовлетворять постоянно дающие о себе знать потребности, они слили бы свое индивидуальное существование с помыслом об общем благе. Никто не был бы врагом своего соседа, потому что отпало бы все то, за что надо бороться; в итоге человеколюбие приобрело бы ту власть, какая предназначена ему разумом. Дух людской избавился бы от постоянных забот о телесных потребностях и свободный вступил бы в область мысли, предназначенной для него. Все помогали бы друг другу в деле расширения познания.

Обратим на минуту наше внимание на переверот в принципах и привычках, проистекающий непосредственно из неравномерного распределения собственности. Пока не было такого распределения, люди знали, что нужно для удовлетворения их потребностей, и доставали то, что им требовалось. Все то, что выходило за эти пределы, не вызывало интереса. Но как только началось накопление собственности, люди тотчас приступили к изучению тех способов, которые позволили бы им располагать излишками с наименьшей выгодой для соседей или, иными словами, таким образом, чтобы эти излишки составляли их собственность. Они в течение некоторого времени продолжали скупать только одни предметы потребления, но уже скоро начали покупать и людей. Тот, кто сам обладает избытком или наблюдает его у других, вскоре начинает замечать ту власть, которую избыток дает над умами других людей. Отсюда проистекают такие страсти, как тщеславие и чванство. Отсюда деспотические навыки людей, испытывающих отраду от сознания собственного ранга, отсюда беспокойное тщеславие тех, чье внимание сосредоточено на возможном будущем.

Из всех человеческих страстей самые большие опустошения производит тщеславие. Оно захватывает область за областью и королевство за королевством. Оно распространяет кровопролития, бедствия и войны по всему лицу земного шара. Но самая эта страсть, как и способы ее удовлетворения, представляет собой следствие господствующей системы распределения собственности[7]. Только благодаря накоплению один человек может приобрести непререкаемый перевес над множеством других людей. Благодаря определенному способу распределения дохода существующие сейчас в мире правительства удерживают свою власть. Нет ничего более легкого, чем ввергнуть народы, так организованные, в войну. Но если бы Европа была сейчас вся населена людьми, обладающими достатком, и ни один не имел бы ничего излишнего, то что могло бы заставить разные страны вступать между собой в войну? Если вы хотите ввергнуть людей в войну, то вы должны выставить какие-нибудь приманки. Если нет такой системы, которая, господствуя и владея силой издавна, могла бы дать вам людей для ваших целей, то вы должны для привлечения каждого отдельного человека применять убеждения. Но ведь это совершенно безнадежная задача — побудить людей таким способом к уничтожению друг друга. Отсюда ясно, что война во всех своих ужасных проявлениях представляет собой порождение неравномерного распределения собственности. До тех пор, пока остается этот источник зависти и коррупции, все разговоры о всеобщем мире будут химеричны. Как только будет уничтожен этот источник, исчезнут также его следствия. Собственность сливает людей в одну общую массу, чтобы легко распорядиться ими как примитивным механизмом. Когда этот камень преткновения будет удален, каждый человек будет в тысячу раз теснее соединен со своим соседом в любви и взаимном доброжелательстве, но каждый человек будет думать и судить самостоятельно. Пусть защитники существующей системы по крайней мере задумаются над тем, что они защищают, и пусть они не сомневаются в существовании доводов в пользу нового порядка, приобретающих большой вес, когда наблюдаешь указанные пороки.

[7] Кн. V, гл. XVI{18}.

Существует еще одно обстоятельство, хотя и менее значительное, чем перечисленные, но все же заслуживающее упоминания. Это вопрос о населении. Было вычислено, что средний

уровень земледелия может быть настолько улучшен, чтобы дать питание населению, в пять раз превосходящему современное[8]. В человеческом обществе действует правило, по которому количество населения постоянно удерживается на уровне, соответствующем имеющимся средствам существования. Например, у бродячих племен в Америке и Азии мы никогда на протяжении долгого времени не наблюдали такого роста народонаселения, которое потребовало бы обработки земли. Среди цивилизованных народов Европы количество средств существования удерживается в определенных пределах вследствие монопольных прав на землю, поэтому если бы население сильно возросло, то низшие слои населения оказались бы еще менее способны обеспечивать себе необходимые средства существования. Бывают, несомненно, исключительные стечения обстоятельств, благодаря которым порой в этом отношении происходят какие-то изменения, но в обычных условиях количество населения в течение веков остается на одном уровне. Таким образом, можно считать, что установившаяся система собственности душист большое количество наших детей уже в колыбели. Какова бы ни была ценность человеческой жизни, или, правильнее, какой бы ни стала способность человека к счастью в обществе свободных и равноправных людей, система, против которой мы здесь возражаем, может рассматриваться как система, на самом пороге жизни уничтожающая четыре пятых ее ценности и счастья.

[8] *Огильви* (ч. 1, раздел iii, § 35){19}.

Глава III. Возражение против нашей системы, основанное на мысли о положительном влиянии роскоши

Сущность этого возражения.— Ненужность роскоши как для населения, так и с точки зрения совершенствования человеческого разума.— Истинный ее характер.

Наши идеи о справедливости и о совершенствовании так же стары, как литература и мысль вообще. В отдельных разрозненных своих частях они во все времена увлекали людей пытливых, но возможно, что они никогда не были представлены все вместе таким образом, чтобы поразить умы своей последовательностью и красотой. Они давали людям возможность предаться приятным мечтам, но затем их неизменно оставляли, как непрактичные. Мы изучили те возражения, которыми обосновывали эту предполагаемую непрактичность; ответы на эти возражения помогут нам постепенно так развить предлагаемую систему, что ее завершенность и правильное соотношение ее частей сумеют убедить самые предвзятые умы.

Существует одно возражение, особенно привившееся на английской почве. Его мы рассмотрим в первую очередь. Некоторые утверждали, «что частные пороки приносят пользу обществу». Этот принцип, прямолинейно выраженный одним из его первых защитников[9], был видоизменен его более ловкими преемниками[10]. Они говорили, «что истинной мерой добродетели и порока служит полезность и что поэтому именование роскоши пороком представляет глупую клевету». Они считали, что роскошь, каковы бы ни были предрассудки, выдвинутые циниками и аскетами против нее, составляет ту богатую и плодородную почву, которая довела до полноты истинное благоденствие людей. Если бы не роскошь, то люди навсегда остались бы дикарями, живущими в одиночку. Роскошь побудила строить дворцы и населять города. Как могла бы какая-нибудь страна иметь большое народонаселение без тех ремесел, которыми заняты толпы ее жителей? Истинный благодетель человечества это не совестливый ханжа, потворствующий своей

благотворительностью апатии и лени, это не угрюмый философ, читающий лекции о бесплодной морали, но это изящный сластолюбец, который дает тысячам спокойный и здоровый труд, предназначенный для поставки лакомств к его столу, который объединяет далекие друг от друга народы в торговле, снабжающей его предметами домашнего обихода, и который покровительствует изящным искусствам и всему возвышенному, что только создает воображение, для украшения своего жилища.

[9] *Мандевиль*. Басня о пчелах{20}.

[10] Ковентри — в сочинении, озаглавленном «Филемон к Гидаспу»{21} и Юмом — в «Очерках» (ч. II, очерк II){22}.

Я привел это возражение для того, чтобы не казалось, будто упущено что-то существенное, а не потому, что оно нуждается в особом рассмотрении. Правильный ответ можно уже предвидеть. Мы знаем, что количество населения в стране предопределяется характером ее земледелия. Поэтому если есть убедительные основания к тому, чтобы люди занялись сельским хозяйством, то количество населения, без сомнения, может быть повышено до того уровня, который будет обеспечен продуктами земледелия. Но если население однажды приступило к сельскому хозяйству, то оно никогда не оставляет его, кроме случаев, когда ему положительно чинят препятствия. Лишь земельная монополия принуждает людей неохотно оставлять большие земельные участки невозделанными, либо плохо или недостаточно обработанными, в то время как население испытывает нужду. Если бы земля была всегда Доступна тому, кто желает ее обрабатывать, то нельзя поверить, чтобы она не возделывалась в соответствии с потребностями общины; по той же самой причине не существовало бы серьезных препятствий к росту населения.

Несомненно, что количество ручного труда было бы гораздо меньше того, который применяется сейчас жителями любой культурной страны, так как сейчас вероятно только одна двадцатая часть жителей занята в сельском хозяйстве, дающем всем средства существования. Однако никто не сочтет такой досуг бедственным.

Что же касается того, каким благодетелем является сластолюбец для человечества, то этому сорту благоденствия обязаны своим существованием все виды преступлений и нравственного зла в человечестве. Если жизнь разумная должна быть предпочтена чисто животному существованию, если каждый рассудительный исследователь должен желать, чтобы не просто расширилось народонаселение, но чтобы умножалось его благоденствие, то тогда сластолюбцы должны быть признаны отравой человеческого рода.

Глава IV. Возражение против нашей системы, основанное на опасении соблазнов праздности

Сущность этого возражения. — Новому устройству общества должно предшествовать серьезное развитие сознания. — Количество ручного труда, потребного при таком устройстве, будет ничтожно. — Всеобщее стремление к почету. — Влияние этого стремления при новом устройстве общества, его преодоление, в конце концов, более высокими устремлениями в будущем.

Другое возражение, которое выдвигалось против устройства общества, препятствующего накоплению собственности, заключается в том, «что оно положит конец трудолюбию. В торговых странах мы наблюдаем чудеса, производимые страстью к наживе. Их жители покрывают моря своими кораблями, поражают человечество изощренностью своих выдумок, при помощи своего оружия держат в подчинении обширные континенты в разных частях света; они способны бросить вызов самым мощным союзам, и подавленные налогами и долгами, они создают новые богатства под бременем уже накопленных. Можно ли легко расстаться с системой, отмеченной такой неиссякаемой силой? Можно ли поверить, что люди, не имея уверенности в возможности применить накопленное для своего личного удовлетворения, будут его заботливо беречь? Может оказаться, что сельское хозяйство, как и торговля, больше всего процветает тогда, когда оно свободно от контроля, но подвергнутое жестким правилам оно чахнет и погибает. Установите только в качестве общественного принципа, что ни один человек не должен получать для своего личного пользования больше, чем нужно для удовлетворения его потребностей, и вы увидите, как вес-люди равнодушно прекратят ту работу, которая сейчас напрягает все их способности. Человек — создание чувственное, и поэтому, когда мы пытаемся напрячь его умственные силы и управлять им при помощи одного разума то мы только обнаруживаем свое незнание его природы. Себялюбие — это истинный побудительный мотив наших действий[11]. Поэтому даже если обнаружится, что оно ведет за собой пороки и предубеждения, то все равно попытки преодолеть его окажутся в лучшем случае не более, чем прекрасной мечтой. Если бы люди поняли, что, не нуждаясь в применении личного труда, они могут предъявить притязания на излишки, которые имеет сосед, то безделье постепенно разрушило бы их

способности; подобное общество будет обречено либо на голодную смерть, либо в интересах собственной защиты должно будет вернуться к той системе несправедливости и низкой корысти, которую мыслители-теоретики будут постоянно бесцельно осуждать».

[11] Для изучения этого принципа см. кн. IV, гл. VIII{23}.

Таково основное возражение, мешающее людям уступить без сопротивления доводам, только что нами приведенным. В ответ надо прежде всего сказать, что равенство, за которое мы ратуем, наступает после большого интеллектуального совершенствования. Такой решительный переворот в человеческих делах не может произойти до тех пор, пока человеческий дух не будет высоко развит. Сейчас человечество переживает возраст просвещения, но можно думать, что оно еще не достаточно просвещено. При осуществлении мысли об уравнивании собственности может произойти беспорядок из-за поспешных и непродуманных мер. Но неизменную систему этого рода можно установить только при спокойной и ясной вере в справедливость, справедливость — взаимно оказываемую и проявляемую, при вере в счастье, которое возникнет, когда будут оставлены наши самые закоренелые привычки. Попытки, сделанные без такой подготовки, приведут только к замешательству. Они дадут кратковременный результат, затем последует новое, еще более варварское неравенство. Все люди со своими низменными вожделениями будут только ждать удобного случая, чтобы удовлетворить жажду власти или любовь к почету за счет своих беспечных соседей.

Можно ли поверить, что состояние такого большого интеллектуального совершенства окажется только предвестником варварства? Правда, дикари подвержены той слабости, которая зовется беспечностью. Но цивилизованные государства являют картину особой активности. Разум, острота исследования, усердие в преследовании цели — все это приводит в действие совокупность человеческих способностей. Мысль рождает мысль. Ничто не может положить предела поступательному развитию духа, кроме гнета. Но поскольку люди не будут подвергаться гнету, они все будут равны, все будут независимы и все будут жить в довольстве.

Замечено, что установление республики всегда сопровождалось энтузиазмом общества и неудержимым духом предприимчивости. Можно ли поверить, что равенство, этот истинный республиканизм, окажется менее действенным? Правда, замечено также, что в республиках подъем раньше или позже начинает ослабевать. Республиканизм — это не то средство, которое уничтожает зло в самом его корне. Несправедливость, гнет и бедность могут найти себе пристанище в этих видимо счастливых странах. Но что сумеет сдержать усердие и помешать успехам там, где неизвестны будут привилегии собственности?

Сила этого довода еще усугубится, если мы задумаемся над количеством труда, потребного в условиях уравнивания собственности. Сколько потребуется того усилия, которого, как предполагается, так боятся многие члены общины? Оно составит такое легкое бремя, что скорее будет похоже на приятное развлечение и легкий моцион, чем на труд. В описываемой общине вряд ли кто-нибудь будет считать себя вследствие своего положения или призвания освобожденным от физического труда. Там не будет богатых, предающихся праздности и жиреющих за счет труда своего ближнего. Математик, поэт и философ

извлекут новый запас бодрости и энергии из той работы, которую им придется делать и которая позволит им чувствовать себя людьми. Там никто не будет занят на производстве безделушек и предметов роскоши, никто не будет направлять колеса сложного правительственного механизма, не будет сборщиков налогов, надсмотрщиков, акцизных и таможенных чиновников, писцов и секретарей. Не будет существовать ни флотов, ни армий, не будет ни придворных, ни лакеев. Сейчас большое число жителей в каждой культурной стране занято совершенно бесполезными делами, в то время как крестьянство беспрестанно трудится для того, чтобы эти люди могли сохранять свое положение, более вредное, чем всякое безделие.

Вычислено, что в Англии не более одной двадцатой части населения серьезно и основательно занимается сельским хозяйством. Прибавьте к этому, что по самой своей сущности земледелие в некоторые времена года занимает людей полностью, а в другие периоды оставляет их сравнительно свободными. Мы можем эти периоды считать равноценными времени, которого при умелом руководстве достаточно в обществе с простой организацией для производства орудий, для прядения, для шитья одежды, хлебопечения, убоя и разделки скота. При теперешнем состоянии общества ставится задача умножения количества затрачиваемого труда, но при ином его состоянии задача будет заключаться в сокращении этого труда. Большая несоразмерная сумма богатств отдана в руки немногих, причем люди постоянно применяют всю свою изобретательность для изыскания способов, которые позволили бы это богатство еще увеличить. В феодальные времена владетельный лорд призывал бедных, чтобы они пришли к нему и ели продукты, полученные с его поместья, при условии, что они будут носить его ливрею и стоять строем для оказания чести его высокородным гостям. Сейчас, когда обмен облегчился, мы отказались от таких упрощенных приемов и принуждаем людей, которых мы содержим за счет своего дохода, давать в обмен свое умение и труд. Поэтому в упомянутых, например, случаях мы оплачиваем портного, чтобы он разрезал наше сукно на куски и затем снова сшил их, а также украсил его строчкой и разными отделками, без которых, как показывает опыт, оно ничуть не было бы менее полезно. Мы же для новых условий общества желаем самой строгой простоты.

Из данного здесь наброска видно, что будет вполне достаточно труда каждого двадцатого человека в общине для обеспечения остальных всем абсолютно необходимым. И если затем вместо того, чтобы эту работу выполняло такое небольшое число людей, распределить ее дружески между нами всеми, то она займет двадцатую часть времени у каждого. Предположим, что труд берет сейчас у каждого работоспособного человека десять часов в сутки, что, при учете часов сна, отдыха и еды, составляет вполне достаточную величину. Из этого вытекает, что полчаса, затрачиваемые ежедневно на добросовестный физический труд каждым членом общины, позволят снабдить всех в должной мере всем необходимым. Кто же может испугаться такой деятельности? Всякий, кто видит, как люди неустанно трудятся в нашем городе и на нашем острове, не сумеет даже поверить, что, работая ежедневно полчаса времени, мы во всех смыслах будем более счастливы и окажемся в лучшем положении, чем сейчас. Возможно ли любоваться такой прекрасной и благородной картиной независимости и добродетели, где каждый человек имеет столько досуга для упражнения самых благородных сторон своего духа, и не чувствовать при этом, как сама душа возвышается от восторга и надежды?

Когда мы говорим, что люди погрузятся в безделие, если их не будет возбуждать стремление к наживе, то это, конечно, значит, что мы очень мало изучали побуждения, которые управляют сейчас человеческим рассудком. Нас вводит в заблуждение кажущееся корыстолюбие человечества, и мы воображаем, что накопление богатства составляет его великую цель. Но дело обстоит совершенно иначе. Сейчас основная страсть человеческого духа заключается в любви к почету. Нет сомнения, что имеется общественный класс, постоянно подстрекаемый голодом и нуждой, который не имеет досуга для побуждений менее грубых и материалистических. Но разве класс, находящийся непосредственно над ним, менее трудолюбив, чем он? Я совершаю определенный вид работы для удовлетворения своих непосредственных нужд. Но эти потребности удовлетворяются быстро. Остальной труд затрачивается на то, чтобы я мог носить лучшую одежду, чтобы мог нарядить свою жену, чтобы иметь не только укрытие, но красивое жилище, не только хлеб или мясо для еды, но чтобы они были поданы в соответствующем виде. Разве я проявил бы интерес ко всему этому, если бы жил на пустынном острове и никто не мог бы наблюдать мое хозяйство? Если я слежу за всем, что окружает мою личность, то разве существует в этом окружении хоть что-нибудь, не предназначенное для того, чтобы возбуждать почтение соседей или предохранять от их презрения? С этой целью купец пренебрегает опасностями, связанными с морем, а механик-изобретатель приводит в действие все силы своего ума. Солдат наступает на самое пушечное дуло, государственный деятель подвергает себя ненависти возмущенной толпы, и все это потому, что они не могут примириться с тем, чтобы прожить жизнь без почета и уважения. Это и есть причина всех великих деяний человеческих, за исключением некоторых более высоких мотивов. Мы о них сейчас упомянем. Ум человека, которому не о чем заботиться, кроме удовлетворения животных потребностей, едва ли когда-нибудь пробудится из своего дремотного состояния; но жажда признания толкает нас на самые невероятные подвиги. Очень часто можно встретить людей, превосходящих всех остальных своей активностью и в то же время непростительно безразличных к улучшению своих денежных дел.

В действительности сторонники рассматриваемого суждения не понимали своего собственного аргумента. Они сами не могли искренно верить, что людей побуждает к действию только желание наживы, но им казалось, что в условиях имущественного равенства ничто не будет возбуждать интереса людей. Сейчас мы посмотрим, какая имеется в этом доля истины.

Вполне очевидно, что стремление к почету ни в коем случае не устраняется при таких общественных условиях, которые несовместимы с накоплением собственности. Люди, лишившись возможности приобретать уважение соседей или избегать их пренебрежения с помощью одежды и обстановки, направят свою страсть к почету по другому руслу. Они будут стараться избегать упрека в праздности так же старательно, как теперь они избегают упрека в бедности. Сейчас только такие люди безразличны к впечатлению, производимому их наружностью и видом, на лицах которых лежит печать голода и нужды. Но в условиях общества, где все равны, никто не будет знать гнета бедности, и более тонкие склонности души сумеют проявить себя. Поскольку человеческое сознание вообще достигнет, как мы только что показали, высокой степени совершенства, постольку импульсы, приводящие его в действие, будут сильнее, чем когда-либо прежде. Велика будет тогда активность общественного духа. Досуг умножится, а досуг для просвещенного ума это как раз то, что

нужно для великих дел, вызывающих признание и уважение. В состоянии спокойного досуга никто, кроме людей самого возвышенного духа, не сумеет существовать, не испытывая жажды почета. Эта страсть, не растроченная по ложным путям в бесплодных блужданиях, будет искать благороднейших выходов и постоянно оплодотворять предприятия, предназначенные для общественного блага. Человеческий разум, который, вероятно, никогда не достигнет предела в совершаемых им открытиях и в собственном совершенствовании, будет развиваться с такой быстротой и такой твердой поступью, которых мы в настоящее время даже не в состоянии себе представить.

Страсть к славе, несомненно, обманчива. Подобно всякой другой иллюзии, и она, в свою очередь, будет распознана и устранена. Это химеричный фантом, который, конечно, доставляет нам некоторое неполное удовлетворение до тех пор, пока мы поклоняемся ему, но который всегда до известной степени разочаровывает нас и не выдерживает испытания опытом. Мы не должны любить ничего, кроме добра, чистого и неизменного счастья, блага для большинства, добра для всех. Сверх этого нет ничего существенного, кроме справедливости, принципа, покоящегося на той единственной предпосылке, что все люди представляют существа одной общей природы и что они имеют право, с некоторыми ограничениями, на одинаковые блага.

Кто из нас утвердит эту идею справедливости, — не существенно, лишь бы достичь ее. Справедливость имеет еще то преимущество, помогающее опровергнуть суждение о правильности приведенных ранее расчетов, что она доставляет единственное прочное счастье тем людям, которые ее соблюдают, и в то же время представляет благо для всех. Слава же не может принести мне пользы, так же как она не может служить добрым намерениям других людей. Человек, действующий из любви к ней, может содействовать общественному благу, но если он и содействует, то путем косвенным и побочным. Слава представляет цель ложную и обманчивую. Если она означает, что обо мне складывается суждение более положительное, чем я заслуживаю, то стремиться к ней порочно. Если же она дает точное отражение моих свойств, то она полезна только в том смысле, что она поможет мне сделать много добра тем людям, которым хорошо известны пределы моих дарований и честность моих намерений.

Жажда славы, укоренившись в душах, сформировавшихся при теперешней системе, часто приводит к еще большим порокам. Себялюбие — это тот плод, который порождается привилегиями. Поэтому когда это себялюбие перестает искать удовлетворения в общественных делах, то оно очень часто суживается до поисков личных удовольствий либо чувственных, либо интеллектуальных. Но этого не может быть там, где уничтожены привилегии. Там не будет условий, потворствующих себялюбию. Тогда всепобеждающее представление об общем благе непреодолимо овладеет нами. Нам не потребуется никаких личных мотивов, когда мы ясно увидим, что наш труд приносит пользу стольким людям в течение длительного периода, когда мы поймем, как связаны причины и следствия в бесконечную цепь, так что ни одно добросовестное усилие не может пропасть даром и должно принести пользу века спустя после того, как сам человек давно сошел в могилу. Это возбудит общее сочувствие и послужит примером для всех.

Глава V. Возражение против нашей системы, основанное на ее неустойчивости

Основания этого возражения. — Его серьезное значение. — Ответ. — Введение системы должно быть обусловлено: 1) глубоким чувством справедливости; 2) ясным пониманием существа счастья, как явления чисто интеллектуального, не доставляемого чувственными радостями или иллюзорными удовольствиями. — Влияние перечисленных страстей. — Личная предусмотрительность или тщеславие не будут побуждать людей к накоплению богатств.

Теперь перейдем к другому возражению. Иногда те, кто не согласен с излагаемым здесь учением, говорят, «что равенство, возможно, содействовало бы совершенствованию людей и их счастью, если бы только человеческая природа допускала длительное сохранение подобных общественных условий, однако все такие надежды должны оказаться бесплодными. Под знаменем равенства сегодня наступит замешательство, а завтра вернуться старые пороки и привилегии. Богатые, принеся самые Щедрые жертвы, приведут общество только к варварству, с которого, как с нового детства, снова должно начаться развитие идей и начал гражданского общества. Природу человека нельзя изменить. В обществе обнаружится по крайней мере несколько порочных и коварных членов, которые попытаются обеспечить себе некоторые преимущества по сравнению с остальными. Человеческие умы не приобретут такого полного единообразия, которое требуется при состоянии имущественного равенства; разнообразие мнений, которое до известной степени навсегда сохранится, должно неизбежно ниспровергнуть утонченную систему умозрительного совершенства».

Из всевозможных возражений это самое существенное. Нам очень важно в таком серьезном вопросе не поддаваться на какие-либо соблазны произвольных умозаключений. Было бы действительно плачевно, если бы, расставшись с теми общественными условиями, при которых достигнуты такие успехи человеческим сознанием, мы погрузились бы в варварство в попытке осуществить пустые измышления. Но хуже всего, если только это возражение правильно, что нет никаких средств для устранения такой опасности. Человеческий разум

неизбежно развивается. То, что он видит и чему удивляется, он рано или поздно захочет достичь. Таковы неустранимые законы нашей природы. Но ведь невозможно не видеть прелести равенства и не обольститься теми преимуществами, которые оно обещает. Последствия ясны. Люди, согласно этим рассуждениям, склонны некоторое время успешно двигаться вперед, но затем в самом своем стремлении к дальнейшим успехам они неизбежно опускаются ниже уровня своих возможностей и оказываются вынуждены снова вступить на повседневную стезю. В этом возражении человек изображается как горький неудачник, у которого достаточно разума, чтобы понять, где добро, но слишком мало его, чтобы суметь это добро осуществить. Посмотрим, действительно ли равенство, однажды установленное, окажется таким ненадежным, как здесь изображено.

Приступая к ответу на это возражение, надо прежде всего запомнить, что предполагаемые нами здесь условия равенства не представляют собой результата случайных обстоятельств, не возникают по приказу начальства и не создаются в итоге весьма убедительных внушений немногих просвещенных мыслителей, но вытекают из серьезных и продуманных убеждений общины в целом. Мы предполагаем, что подобные убеждения могут возникнуть сейчас среди небольшого числа людей, живущих совместно в обществе; если же это возможно в маленькой общине, то нет достаточных оснований предполагать, что они невозможны сначала в большой общине, а затем в еще более обширной.

Мы должны теперь рассмотреть вопрос, Могут ли подобные убеждения сохраниться навсегда, после того как они раз усвоены.

Такие убеждения покоятся на двух представлениях, возникающих в сознании, одно — о справедливости, другое — о счастье. Имущественное равенство не может в человеческом обществе принять определенные формы, пока в сознании глубоко не запечатлится понимание того, что подлинные потребности каждого человека обосновывают его единственно справедливое притязание на овладение любым видом благ. Если бы общий разум человечества когда-нибудь достиг той степени просвещения, которая нужна для прочного усвоения этой истины, притом такого глубокого, чтобы не допускать никаких возражений и сомнений, то мы бы все с одинаковым ужасом и презрением отнеслись к человеку, накапливающему собственность, в которой он не нуждается. В своем воображении мы представили бы себе все зло, неизбежно вызываемое состоянием привилегий, и наряду с этим — счастье, сопутствующее свободе. Наша мысль была бы теперь чужда стремлению приобрести что-нибудь ненужное нам самим, но полезное другим, или жажде накопления собственности в целях получения какой-то власти над умами соседей, как она сейчас чужда греху убийства. Ни один человек не может оспаривать того, что условия имущественного равенства, однажды установленные, помогут сильному сокращению дурных склонностей людей. Но преступление, нами сейчас обсуждаемое, гораздо страшнее всех тех, которые совершаются при теперешнем состоянии общества. Человек, вероятно, не способен ни при каких условиях совершать такие действия, которые по его ясному и неоспоримому представлению противоречат общему благу. Но как бы то ни было, едва ли можно поверить, что кто-нибудь в состоянии ради воображаемого собственного удовольствия с легкостью причинить вред обществу, если только его собственная душа не была уже прежде ранена обидами, причиненными обществом благодаря его устройству. Мы рассматриваем здесь тот случай, когда человек, даже не

считая себя обиженным, предумышленно ниспровергает такие счастливые условия, которые невозможно описать, для того, чтобы содействовать восстановлению всех тех бедствий и пороков, которыми человечество было заражено с первых страниц своей истории.

Идея равенства, описываемая нами, обязана своим господством над умами тем представлениям о личном счастье, которые с ней связаны. Она вытекает из простой, ясной и неопровержимой мысли, возникшей в человеческом уме, — мысли, что мы прежде всего нуждаемся в определенных условиях для физического существования и в убежище, но что после этого наше истинное благополучие заключается в развитии интеллектуальных способностей, в познании истины и в применении своих добрых качеств. С первого взгляда может показаться, что эта теория упускает из виду часть опытной истории человеческого разума, чувственные наслаждения и радости, создаваемые воображением. Но это упущение только кажущееся, а не реальное. Как бы велико ни было количество удовольствий, доступных нам, предусмотрительный человек пожертвует низменными радостями для более возвышенных. Сейчас ни один человек, содействовавший счастью других или наблюдавший его с открытой душой, не станет отрицать, что из всех ощущений это самое радостное. Но тот, кто склонен хотя бы к малейшему злоупотреблению чувственными удовольствиями, соответственным образом уменьшает свою способность пользоваться этой высокой радостью. Излишне прибавлять, даже если это и имеет какое-либо значение, что строгая умеренность представляет верный способ получения наивысшего удовольствия от пользования чувственными радостями. В этом заключалась теория Эпикура²⁴ и такой должна быть система каждого человека, который когда-либо глубоко задумывался над сущностью человеческого счастья. Что касается иллюзорных радостей, то они совершенно несовместимы с высоким счастьем. Если мы хотим содействовать счастью других или радоваться ему, то мы должны постараться узнать, в чем оно заключается. Но знание это — непримиримый враг химеры. По мере того как разум подымается до истинной своей высоты, он освобождается от предрассудков, представляющих причину наших бед, он становится неспособным извлекать удовольствие из лести, славы или власти и вообще из любого источника, не совместимого с общим благом, или, иначе говоря, не составляющего его части. Самое существенное из всех видов знания заключается в понимании того, что я лично представляю собой лишь каплю в океане мысли. Поэтому первым основанием для познания сущности человеческого счастья, неотделимого от состояния равенства, является понимание того, что я извлеку бесконечно больше радости из простоты, умеренности и правды, чем из роскоши, власти и славы. Какой же соблазн к накоплению может испытывать человек, придерживающийся такого убеждения и живущий в условиях имущественного равенства?

Этот вопрос постоянно затмевался учением, которое распространялось писателями-моралистами, — учением о независимости друг от друга разума и страстей. Такое их разделение всегда вводит в заблуждение. Из скольких элементов состоит человеческое сознание? Ни из скольких! Оно просто заключается в ряде мыслей, следующих одна за другой, начиная с первой минуты нашего существования и кончая завершающей[12]. Понятие страсти, вызвавшее столько недоразумений в философии сознания, но не соответствующее никакому реальному явлению, постоянно меняет свое содержание. Порой оно применяется без различия в отношении все тех явлений мысли, которые при своей исключительной яркости сопровождаются такими сильными реальными или воображаемыми

побуждениями, что толкают нас с необычной энергией на действия. Так, например, мы говорим о страстном милосердии, патриотизме или мужестве. Порой это слово означает только те живые стремления, которые при тщательном рассмотрении оказываются основанными на заблуждении. Первоначальное значение этого слова не может быть оспариваемо. Страстное желание вытекает из известного состояния сознания и всегда должно находиться в определенном отношении к предполагаемой ясности задачи и к важности практического результата. При вторичном значении этого слова учение о страстях было бы совершенно безобидно, если бы мы привыкли отличать определение от определяемого понятия. Тогда было бы ясно, что это учение просто утверждает постоянную подверженность человеческого сознания точно тем же заблуждениям, которые наблюдаются сейчас, или, иными словами, что оно настаивает на неустрашимом постоянстве сознания в противоречие с учением о необходимом совершенствовании интеллекта. В самом деле, кто не видит в приведенном выше случае нелепого предположения, что возможен такой человек, который, ясно понимая, в какую сторону призывают его справедливость и собственные интересы, стал бы неудержимо по заблуждению стремиться в другую? Несомненно, что человеческий рассудок подвержен колебаниям. Но существует такая степень убежденности, которая делает невозможным для нас извлекать удовольствие из невоздержанности, власти или славы, и к ней нас некогда приведет непрестанный прогресс мысли.

[12] Кн. IV, гл. VII{25}.

Предположение о ненарушимости системы имущественного равенства после ее введения под воздействием разума и убеждений не будет подлежать серьезному сомнению, если мы сумеем создать себе ясное представление о действии этой системы. Предположим, что мы посетили общину людей, которые привыкли трудиться в соответствии с потребностями всех в целом и передавать немедленно и безоговорочно соседям то, в чем они сами не нуждаются, но в чем последние испытывают непосредственную надобность. Здесь тотчас устраняется основная и простейшая причина личного накопления. У меня нет надобности копить с целью обеспечить себя от несчастных случаев, болезней или инвалидности, так как бесспорность притязания на обеспечение не подвергается в этих случаях никаким сомнениям, и каждый человек привыкает с ними считаться. Вообще в значительных количествах можно будет накопить лишь вещи весьма тленные, ибо обмена не будет существовать; поэтому все, что я не смогу лично употребить, ничего не прибавит к сумме моего богатства. Кроме того, надо отметить, что хотя накопление в частных целях будет в этих условиях в высшей степени неразумно и нелепо, но это ни в коем случае не исключает такого накопления, которое может потребоваться на случай общественных бедствий. Если предшествующее рассуждение сколько-нибудь правильно, то такого рода накопления не будут подвергаться никакой опасности. Прибавим к этому, что неизменное благоразумие позволит предотвратить такие бедствия. Хорошо известно, что голод главным образом вызывается мерами предосторожности и ложными страхами людей; вполне разумно предположение, что, достигнув известной степени опытности, люди постепенно сумеют избегать неурожаев и других бедствий.

Нами было уже указано, что жажда почета и уважения представляет основной и постоянно действующий мотив для частного накопления. Но он также отпадет. Поскольку накопление

не будет иметь никакой разумной цели, его будут считать признаком умопомешательства, а не основанием для восхищения. Люди будут приучены к простым началам справедливости и поймут, что ничто, кроме дарований и добродетелей, не дает права на уважение. Когда они привыкнут употреблять свои излишки на удовлетворение нужд соседей и посвящать время, свободное от физического труда, на развитие своих умственных способностей, то какие чувства вызовет у них человек, настолько безрассудный, чтобы пришивать кусок кружева к одежде или прикреплять какое-нибудь другое украшение к своей персоне? В подобной общине накопление собственности всегда будет иметь тенденцию останавливаться на определенном уровне. Всем будет интересно знать, в чьих руках имеется известное количество каких-либо предметов, и каждый с доверием обратится к нему для удовлетворения собственных потребностей в них. Поэтому, устраняя всякую возможность принуждения, мы увидим, как самое ощущение порочности и нелепости поведения человека, отказывающегося расстаться с тем, в чем он не испытывает никакой потребности, будет всегда представлять достаточное противодействие для такого отвратительного нововведения. Каждый человек будет знать, что он по справедливости и по полному праву может пользоваться моими излишками. Если я откажусь признать его доводы и доказательства по этому вопросу, то он не станет входить со мной в такую порочную сделку, как обмен, но оставит меня с тем, чтобы достать нужное ему у какого-нибудь Другого, более разумного человека. Накопление вместо вызывания к себе, как теперь, знаков уважения, будет разрушать связи человека, стремящегося к нему, с обществом и обрекать его на пренебрежение и забвение. Чувство почтения, вызываемое богатством, объясняется представлением сторонних наблюдающих о тех выгодах, которые оно дает; но тогда богач будет в положении гораздо худшем, чем теперь скряга, который, прибавляя тысячи к своим сокровищам, не может расстаться с лишним фарсингом и потому находится в пренебрежении у всех.

Глава VI. Возражение против нашей системы, основанное на жесткости создаваемых ею ограничений

Сущность этого возражения. — Различие между естественной и нравственной независимостью; благодетельность первой и вред второй. — Должные ограничения в правильном смысле слова. — Истинная система собственности не включает никаких ограничений, она не требует совместного труда, общих трапез или складов. — Такие ограничения нелепы и излишни. — Пагубность сотрудничества. — Область его должна постепенно сокращаться. Физический труд может исчезнуть. — Вытекающая отсюда активность интеллекта. — Мысли о будущем совместного труда. — Его пределы.— Его законная область. — Пагубность совместной жизни. — Брак препятствует развитию наших способностей, мешает нашему счастью и повреждает наше сознание. — Брак — это одна из сторон существующей системы собственности. — Последствия его уничтожения. — При новом устройстве общества воспитание не должно быть делом специальных учреждений. — Эти начала не должны приводить к замкнутому индивидуализму. — Частные пристрастия. — Выгоды, проистекающие из должного направления чувств. — Возникновение мотивов к совершенствованию. — Правильная система собственности не препятствует накоплению, но предполагает некоторую степень присвоения и разделение труда.

Против системы имущественного равенства часто выдвигалось то возражение, что «она несовместима с личной независимостью. При этой схеме каждый человек представляет собой только пассивное орудие в руках общины. Он должен есть и пить, играть и спать по приказанию других. Он не имеет своего жилья, у него нет такого времени, когда бы он мог сосредоточиться в себе самом и не просить на то разрешения. У него нет ничего, что бы он мог назвать своим собственным, не исключая его времени и личности. Под видом полной свободы от гнета и тирании он в действительности будет подвергнут самому неограниченному рабству».

Для того чтобы понять значение этого возражения, надо отличать два вида независимости, одну из которых можно назвать естественной, а другую моральной. Естественная независимость — это свобода от всякого принуждения, кроме доводов разума и доказательств, предъявленных сознанию, она чрезвычайно существенна для благополучия и совершенствования разума. Моральная же независимость, напротив, всегда вредна. Зависимость, необходимая в этом отношении для здорового состояния общества, несомненно, включает в себя такие элементы, которые неприемлемы для очень многих представителей теперешнего человечества, но их непопулярность следует объяснять только слабостями и пороками людей. Она предполагает право каждого критиковать действия другого, деятельное наблюдение за ними и суждение о них. Почему же надо этого пугаться? Возможность для каждого человека пользоваться всяческим содействием ближних для исправления своего поведения и для направления своих действий будет очень благотворной. Такого рода наблюдения за чужими действиями осуществляются сейчас в очень ограниченном размере, потому что они производятся тайно, и мы подвергаемся им с недовольством и негодованием. Нравственная независимость всегда вредна; как уже многократно было выяснено на протяжении нашего исследования, я не могу быть поставлен в такое положение, чтобы не быть обязанным придерживаться известного рода поведения преимущественно перед всеми другими и, следовательно, окажусь дурным членом общества, если не буду действовать определенным образом. Склонность, испытываемая сейчас человеческим родом к независимости в этом отношении, стремление действовать по собственному усмотрению, не считаясь с принципами разума, весьма вредна для общего блага.

Но если мы никогда не должны поступать независимо от начал разума и ни в коем случае не должны страшиться откровенного наблюдения со стороны других людей, то тем не менее очень важно, чтобы мы всегда могли свободно развивать свою индивидуальность и следовать велениям собственного рассудка. Если бы в системе имущественного равенства заключалось что-нибудь, противоречащее указанному требованию, то это обстоятельство было бы решающим. Если бы эта система, как часто доказывалось, была системой администрирования, принуждения и регламентации, то она находилась бы, бесспорно, в прямом противоречии с принципами нашего исследования.

Но истина заключается в том, что система имущественного равенства не требует никаких ограничений и никакого надзора. При ней нет надобности в совместном труде, общих трапезах и складах. Все это негодные и ошибочные средства для направления людских действий помимо велений здравого смысла. Если вы не можете привлечь сердца членов общины на свою сторону, то не ждите успеха от грубого регулирования. Если же вы это сумеете, то регулирование излишне. Оно было хорошо приспособлено к военному устройству Спарты, но оно совершенно недостойно людей, которых не может убедить ничто, кроме доводов разума и справедливости. Остерегайтесь превращать людей в машины. Не управляйте ими иначе, как с помощью их склонностей и убеждений.

Зачем нам устраивать общие трапезы? Разве я обязан испытывать голод одновременно с вами? Должен ли я являться в известный час из музея, где я работаю, из уединения, где я размышляю, или из обсерватории, где я наблюдаю явления природы, в определенную залу, предназначенную для еды, вместо того, чтобы есть, как диктует разум, в таком месте и в

такое время, которое удобнее всего для моих занятий? Зачем иметь общие склады? Только для того чтобы уносить свои запасы на некоторое расстояние, а затем снова нести их обратно? Или такая предосторожность действительно нужна для охраны нас от плутовства и алчности наших товарищей, после всего, что было сказано похвального об общественном равенстве и всемогуществе разума? Если это так, то, ради бога, откажемся от притязания на политическую справедливость и перейдем на сторону тех мыслителей, которые говорят, что человек и справедливость несовместимы.

Еще раз предостережем от превращения человека в простой механизм. Возражения, приведенные против нашей системы в предшествующей главе, были отчасти правильны, когда они касались бесконечного разнообразия человеческих умов. Нелепо было бы утверждать, что человек не способен воспринимать истину, не доступен доказательствам и доводам. В этом смысле, поскольку человеческие умы находятся в состоянии неуклонного совершенствования, мы постепенно сближаемся все теснее друг с другом. Но существуют вопросы, по которым мы будем и должны постоянно расходиться. Мысли каждого человека, его окружение и обстоятельства его жизни остаются его личными; пагубной была бы такая система, которая заставляла бы требовать от всех людей, как бы различны ни были их обстоятельства, чтобы в ряде случаев они действовали точно на основании одного общего правила. Прибавьте к этому, что из самого учения о постепенном совершенствовании вытекает постоянная способность человека заблуждаться, хотя с каждым днем мы будем заблуждаться все меньше. Правильный способ ускорить исчезновение заблуждений заключается не в применении грубой силы или в регулировании, представляющем один из видов насилия, для того чтобы свести людей к умственному единообразию, но, напротив, в побуждении каждого человека думать самому за себя.

Из сказанного вытекает, что все обычно понимаемое под словом сотрудничество до известной степени вредно. Человек в одиночестве бывает вынужден отказываться от выполнения самых заветных своих мыслей или отложить их по собственному усмотрению. Сколько великолепных замыслов погибло в самом зародыше по указанной причине. Настоящее средство от этого заключается в том, чтобы свести свои потребности к минимуму и предельно упростить способ их удовлетворения. Но еще хуже, когда человек вынужден считаться с удобствами других. Если бы я захотел есть или работать одновременно со своим соседом, то это должно было бы происходить в часы, самые удобные для меня, или для него или же ни для кого из нас. Нас нельзя свести к единообразной четкости часового механизма.

Отсюда следует, что излишнего сотрудничества в виде совместного труда и общих трапез надо тщательно избегать. Но что же сказать в отношении такого сотрудничества, которое как бы диктуется самим характером предстоящей работы? Оно должно быть сокращено. В настоящее время неразумно было бы не признавать, что вред сотрудничества должен быть в некоторых настоятельных случаях признан неизбежным. Но останутся ли по самой природе вещей некоторые виды сотрудничества навсегда неустранимыми — это вопрос, который мы едва ли можем разрешить. В настоящее время для того чтобы срубить дерево, прорыть канал, или управлять судном требуется труд многих. Всегда ли он будет для этого требоваться? Когда мы видим сложные машины, созданные человеком, различные виды ткацких и прядильных станков или паровых двигателей, то разве нас не удивляет

количество производимой ими работы? Кто знает, где будет положен предел этому виду прогресса. Сейчас такие изобретения волнуют работающую часть общества, и они могут действительно привести к временным бедствиям, хотя в итоге они отвечают важнейшим интересам большинства. Но в условиях равного для всех количества труда приносимая ими польза не может подвергаться сомнению. Поэтому никак нельзя утверждать, что один человек не сумеет производить самых обширных работ; пользуясь хорошо известным примером, скажем, что возможно будет доставить плуг в поле и заставить его работать без надзора за ним. В этом смысле знаменитый Франклин{26} говорил, что «когда-нибудь разум приобретет всемогущую власть над материей».

Последний этап прогресса, здесь намеченного, сведется к окончательному исчезновению надобности в физическом труде. Очень поучительно в этом отношении, как великие гении предвосхитили будущий прогресс человечества. Один из законов Ликурга{27} запрещал использовать спартанцев для физического труда. В этом случае предписывалось заменять спартанцев рабами, обреченными на черную работу. Таким образом, несомненные и непреложные законы вселенной заменят в ту эпоху, о которой мы рассуждаем, древних илотов{28}. В этом смысле, о бессмертный законодатель, мы кончим то, что ты начал.

Но это, может быть, снова вызовет возражение, «что люди, освобожденные от необходимости применять физический труд, погрузятся в беспечность». Подобные возражения основываются на узости взглядов относительно природы человеческого сознания и его способностей. Для приведения интеллекта в действие требуется только побудительная причина. Разве не существует мотивов столь же действенных, как страх голода? Чей ум более деятелен, быстр и неусыпен, ум Ньютона или пахаря? Когда сознание человека преисполнено надежд на интеллектуальное величие и полезность, то разве его может охватить оцепенение?

Вернемся к вопросу о сотрудничестве. Станный ход рассуждения приводит к той мысли, что совершенствование, которое должно привести человеческое общество к изображенному нами будущему, может сопровождаться упадком. Например, будут ли тогда оркестровые концерты? Жалкое состояние техники у большинства музыкантов так очевидно, что даже в настоящее время она служит предметом огорчения и насмешек. Не лучше ли поэтому, чтобы один человек исполнял всю вещь за всех музыкантов вместе? Будут ли тогда театральные представления? Они являются нелепым и порочным видом сотрудничества. Можно сомневаться, чтобы в будущем люди стали выступать с чем бы то ни было только для того, чтобы с важностью повторять чужие слова и мысли. Можно сомневаться, чтобы какой-нибудь музыкант-исполнитель стал, как правило, играть чужие сочинения. Мы косны и признаем преимущество наших предшественников над нами, потому что мы привыкли потворствовать бездеятельности собственных способностей. Формальное повторение чужих мыслей позволяет на время приостановить работу собственного сознания. В некотором смысле такое поведение граничит с недобросовестностью, так как будучи добросовестными, мы должны немедленно высказывать всякую полезную и ценную мысль, которая рождается в нашем сознании.

Решившись поделиться всеми этими предположениями и мыслями, мы теперь попытаемся наметить пределы, поставленные личности. У всякого человека, который получает

впечатление от какого-либо предмета, лежащего вне его сознания, течение его собственных мыслей насильственно видоизменяется; однако же без таких внешних восприятия мы ничего бы собой не представляли. За некоторыми определенными пределами мы не должны пытаться освобождать себя от подобных воздействий. Всякий, кто читает чужое сочинение, испытывает, как ход его мыслей до известной степени подвергается воздействию автора. Однако это не достаточное основание для возражения против чтения. Всегда бывает так, что один человек накапливает размышления и наблюдения, в которых нуждается кто-нибудь другой; зрелые и обдуманые рассуждения всегда при равных условиях будут более ценны, чем рассуждения импровизированные. Разговор есть тоже один из видов сотрудничества, при котором одна из двух сторон всегда уступает руководство своими мыслями другой; однако при всем этом беседа и обмен мыслей представляют как будто бы один из самых плодотворных источников развития сознания. Здесь перед нами как бы один из видов наказания. Тот, кто самым деликатным образом пытается доводами разума избавить другого от его недостатков, вероятно, причинит страдание, но такое наказание ни в коем случае нельзя устранять.

Другой пункт, относящийся к вопросу о сотрудничестве, представляет совместное жительство. Мы придем в этом случае к правильному решению, прибегнув к очень простому приему. Науки лучше всего развиваются, когда наибольшее число людей занимается ими. Если сто человек добровольно применяют всю силу своих способностей для разрешения известного вопроса, то можно скорее рассчитывать на успех, чем в случае, когда только десять человек заняты им. По той же самой причине шанс на успех возрастет в соответствии с тем, насколько процесс умственного труда этих людей будет развиваться самостоятельно, т. е. в соответствии с тем, насколько их выводы будут вытекать из логики вещей, без воздействия как внешнего принуждения, так и личных привязанностей. Всякая личная приверженность, кроме тех случаев, когда она вызывается заслугами, явно неосновательна. Поэтому желательно, чтобы мы любили людей вообще, а не определенного человека, и чтобы цепь наших рассуждений разворачивалась без иных перерывов, кроме потребных для информации или благотворения.

Вопрос о совместном жительстве особенно интересен потому, что он включает в себя вопрос о браке. Поэтому в этом пункте надо наши рассуждения несколько расширить. Совместное жительство представляет собой зло не только потому, что оно препятствует самостоятельному развитию мысли, но также вследствие несовершенства людей и различия их наклонностей. Нелепо рассчитывать на то, что стремления и желания двух человеческих существ будут совпадать на протяжении сколько-нибудь длительного периода времени. Обязать их действовать и жить совместно, это значит неизбежно обречь их на ссоры, злобу и несчастье. Иначе не может быть, поскольку человеку не удалось достичь абсолютного совершенства. Мысль, что я должен иметь спутника жизни, вытекает из усложнения наших пороков. Она продиктована трусостью, а не мужеством. Она вытекает из желания быть любимым и чтимым за то, в чем нет собственной заслуги.

Но зло брака, как он практикуется сейчас в европейских странах, лежит глубже. Обычай этот заключается в том, что бездумные и романтичные юноши и девушки знакомятся, встречаются несколько раз, притом в условиях, создающих иллюзии, и затем обещают друг другу вечную любовь. Каковы последствия этого? Почти во всех случаях они оказываются

обманутыми. Им остается примириться с непоправимой ошибкой. Перед ними возникает сильнейшее искушение стать на путь лжи. Им приходится признать, что самое умное для них это — закрыть глаза на действительность; они еще могут считать себя счастливыми, если сумеют убедить себя, что были правы в своем первоначальном незрелом суждении о спутнике жизни. Институт брака это — система обмана; люди, которые тщательно извращают собственные суждения о повседневных делах жизни, будут всегда о всех других делах иметь ложные суждения. Мы должны отказаться от своей ошибки, как только она откроется, но нас учат лелеять ее. Мы должны быть неутомимы в нашем стремлении к добродетели и моральному превосходству, но нас учат сдерживать это стремление и закрывать глаза на самые привлекательные и достойные цели. Брак основан на законе и на законе, худшем из всех. Что бы ни говорил нам наш разум об особе, жизнь с которой должна привести нас к наибольшему совершенствованию, о достоинствах одной женщины и недостатках другой, мы вынуждены считаться с законом, а не со справедливостью.

Прибавим к этому, что брак основан на собственности, притом на худшем ее виде. До тех пор, пока двум человеческим существам запрещено положительным законом следовать велениям собственного разума, живы и сильны будут предрассудки. До тех пор, пока я стремлюсь присвоить одну женщину себе одному и запрещаю своему соседу проявить свои достоинства и пожать заслуженные им плоды, я виновен в самой отвратительной монополии. За этой воображаемой добычей люди следят с неистощимой ревностью, причем оказывается, что желания данного человека и его способность к обману так же сильны, как стремление другого расстроить его планы и разрушить его надежды. До тех пор, пока общество будет находиться в таком состоянии, человеколюбию будут мешать и препятствовать всеми способами, и поток злоупотреблений будет все расширяться.

Отмена брака не будет сопровождаться ничем дурным. Мы склонны представлять ее себе как предвестницу грубых вождедений и разврата. Но, в действительности, в этом случае происходит то же, что и в других, именно: положительные законы, предназначенные для обуздания наших пороков, возбуждают и умножают их. Не будем уж упоминать о том, что чувство справедливости и стремление к счастью в условиях имущественного равенства уничтожит стремление к роскоши, сократит наши чрезмерные во всех отношениях притязания и побудит нас всегда предпочитать радости умственные радостям чувственным.

Общение полов в таком обществе будет подлежать тем же условиям, что и другие виды дружбы. Не говоря о случаях необоснованных и упорных привязанностей, нельзя прожить жизнь и не встретить человека, достоинства которого превосходили бы достоинства всех встреченных до того. К этому человеку я буду испытывать склонность, точно соответствующую моей оценке его достоинств. Так же будет обстоять дело с женским полом. Я буду настойчиво поддерживать отношения с такой женщиной, совершенства которой произведут на меня сильное впечатление. «Но ведь возможно, что другие мужчины будут испытывать к ней такую же склонность, как и я». Тут не возникнет никаких затруднений. Мы все можем пользоваться преимуществами беседы с ней, но мы будем так мудры, что чувственное общение станем считать незаслуживающим внимания. Оно, подобно всякому другому делу, которое касается двух людей, должно в каждом отдельном случае решаться добровольным согласием обеих сторон. То обстоятельство, что мы склонны считать половое общение существенным преимуществом, вытекающим из чистой

привязанности, свидетельствует о крайней испорченности наших теперешних привычек. Разумные люди едят теперь и пьют не из любви к удовольствию, но потому, что еда и питье необходимы для здорового существования. Затем разумные люди желают продолжать свой род не потому, что с этим связано ощутительное удовольствие, но потому, что род надлежит продолжать; выполнение же этой функции будет регулироваться велениями разума и долга.

Таковы некоторые из соображений, которые, вероятно, будут лежать в основе отношения полов. Нельзя окончательно сказать, будет ли при таком состоянии общества известно, кто отец каждого отдельного ребенка. Но можно утверждать, что это обстоятельство не будет иметь никакого значения. В настоящее время аристократические притязания, себялюбие и семейная гордость побуждают нас считать его важным. Я не должен ни одному существу оказывать предпочтение перед другим потому только, что это мой отец, жена или сын, но предпочитать надо такого человека, который имеет к тому основания по причинам, одинаково убедительным для всех. Одно из ряда мероприятий, которые будут постепенно введены под влиянием демократического духа, составит уничтожение фамильных имен, что, вероятно, произойдет уже через небольшой промежуток времени.

Посмотрим, как при таком состоянии общества изменится система воспитания. Можно думать, что отмена браков превратит это воспитание до известной степени в общественное дело, но если рассуждения, содержащиеся в нашей работе, сколько-нибудь правильны, то воспитание при помощи специальных учреждений, созданных общиной, совершенно несовместимо с истинными началами разумного порядка[13]. Воспитание можно рассматривать с разных сторон. Прежде всего, это уход за младенцем, который требуется его беспомощным состоянием. Он, вероятно, выпадет на долю матери; но если в случае частых родов или по характеру требуемого за ребенком ухода найдут, что труд, который она несет, непосилен, то ей дружески и охотно помогут другие. Во-вторых, это доставание продуктов питания и других предметов, необходимых для существования. Как мы уже видели, они будут правильно распределяться и автоматически притекать из мест, где они находятся в избытке, туда, где в них ощущается недостаток[14]. Наконец, термин «восстание» может употребляться в значении обучения. Задача обучения при том состоянии общества, которое мы рассматриваем, сильно упростится и изменится в сравнении с настоящим временем. Тогда будут считать одинаково неправильным превращение в рабов как мальчиков, так и взрослых людей. Дело будет заключаться не в том, чтобы преждевременно создавать множество скороспелок, еще не вылупившихся из яйца, с целью доставить удовлетворение тщеславию родителей похвалами, расточаемыми детям. Никто не будет мучить слабых и неопытных преждевременным учением из опасения, что, вступив в зрелые годы, они откажутся учиться. Разум людей будет развиваться в согласии с обстоятельствами и впечатлениями, воздействующими на него, и не будет подвергаться мучениям и ослабляться попытками отлить его в особую форму. Ни одно человеческое существо не будет вынуждено учиться чему-нибудь, если оно не желает того и не представляет себе полезности и ценности этих знаний; всякий человек в зависимости от своих способностей охотно поделится общими взглядами и мыслями, достаточными для руководства и поощрения тех, кто учится по своему желанию.

[13] Кн. VI, гл. VIII{29}.

[14] Гл. V{30}.

Прежде чем закончить рассмотрение этого вопроса, надо опровергнуть одно возражение, которое может возникнуть у некоторых читателей. Они могут сказать, «что человек создан для общения с другими и для взаимного доброжелательства, и потому он по своей природе мало приспособлен к системе индивидуализма, здесь намеченной. Истинное совершенство достигается человеком при слиянии и сочетании его собственного существования с жизнью других людей; поэтому такой порядок, который запрещает ему проявление всякой склонности к другим и всякой привязанности, клонится к его вырождению, а не к совершенствованию».

Нет сомнения, что человек создан для общества. Но есть явно порочный и губительный для человека путь, путь, на котором человек теряет свое собственное существование в существовании других. Каждый человек должен опираться на самого себя и считаться с собственным разумом. Каждый должен чувствовать свою независимость для того, чтобы он мог утверждать начала справедливости и правды, не будучи вынужденным предательски приспособлять их к обстоятельствам своего положения и к заблуждениям других людей.

Нет сомнения, что человек создан для общества. Но он создан для общества в целом или, иными словами, его способности позволяют ему служить целому, а не части его. Справедливость обязывает нас больше сочувствовать человеку достойному, чем незначительному и испорченному члену общества. Но всякое пристрастие в точном смысле слова клонится к причинению вреда тому, кто его испытывает, человечеству вообще и даже тому, на кого оно направлено. Дух пристрастия хорошо выражен в известном изречении Фемистокла{31}: «Избави меня бог сидеть на судейской скамье, если мои друзья встретят там не больше благожелательности, чем посторонние!». Фактически же, как можно было неоднократно видеть на протяжении этой работы, мы в жизни постоянно находимся в судебном заседании; мы играем жалкую роль несправедливого судьи, когда проявляем малейшие признаки пристрастия.

Таковы мнимые ограничения, налагаемые на нас общественным принципом. В действительности, они клонятся к его усовершенствованию и стремятся сделать его более благотворным. Предположение, что этот принцип не представляет величайшего значения для человечества, заключало бы грубейшую ошибку. Все, чем человек со своим разумом отличается от животного, является результатом жизни в обществе. Все лучшее у человека представляет плод постепенного развития, результат того обстоятельства, что каждая эпоха использует открытия предшествующей эпохи и начинается с того пункта, на котором предшествующая кончила.

Без общества человек был бы жалок, испытывая недостаток в побуждениях к совершенствованию. Но что важнее всего — без общества наше совершенствование было бы почти бесцельно. Дух без благожелательства бессилен и холоден. Свое истинное призвание мы находим, когда стремимся сделать добро другим, когда охватываем большую и широкую сферу действия и забываем свои личные интересы. Задача всей системы, изображенной в этой книге, заключается в том, чтобы позволить нам осуществить свое призвание. Индивидуализм, который она рекомендует, имеет в виду благо всех и имеет значение

только как средство для достижения этой цели. Можно ли назвать эгоистической такую систему, при которой никто не жаждет роскоши, никто не дерзает быть несправедливым и каждый посвящает себя на то, чтобы удовлетворять чужие нужды как физические, так и интеллектуальные? Пойдем дальше.

Так как естественное состояние общества несовместимо с законами и ограничениями, то оно не допускает даже того ограничения, которое запрещает людям накапливать собственность. Но воздержание от накопления, как уже было сказано, заключается в понимании нелепости и бесполезности его. Если вообще можно себе представить такое явление при общественных условиях, при которых принципы справедливости будут правильно поняты, то оно не представит никакой опасности. Мысль о возможности накопления не вызовет той тревоги, какую она вызывает у современных сторонников политической справедливости, склонных заранее беспокоиться об этом. Такое странное извращение человеческого Разума будет вызывать только смех или жалость.

Какое условие потребуется для того, чтоб я мог считать какую-нибудь вещь своей собственной? Только то обстоятельство, что она нужна для моего благополучия. Мои права будут продолжаться до тех пор, пока существует эта нужда. Слово «собственность» вероятно сохранится, но его значение изменится. Ошибка заключается не столько в самой идее, сколько в источнике, из которого она возникла. То, что я имею, истинно мое, если нужно мне для употребления; то, что я имею, если оно даже представляет плод моего труда, но мне не нужно, не может быть мною удержано без нарушения справедливости.

При таком состоянии общества будет неизвестно, что такое насилие; я не расстанусь ни с чем без полного своего согласия. Капризы будут неизвестны, никто не будет зариться на то, чем пользуюсь я, кроме тех случаев, когда другому человеку станет ясным, что в его руках этот предмет будет полезнее, чем в моих. Мое жилище до известного предела будет так же священно, как сейчас. Никто не будет вторгаться ко мне и мешать мне в моих занятиях и размышлениях. Никто не заявит претензий на занятие моего жилья, так как всякий сумеет получить для себя собственное, не хуже моего. Жилье, принадлежавшее мне вчера, останется моим и сегодня. Большинство занятий требуют определенных приспособлений, и ради общего блага надо, чтобы, как правило, я сегодня нашел готовыми свои приспособления, оставленные вчера. Но хотя идея собственности в таком измененном виде сохранится, но зависть и эгоизм, связанные с собственностью, исчезнут. Болты и запоры исчезнут. Все мои вещи будут к услугам каждого, если только это не помешает моему пользованию ими. Такие новички, как мы, могут вообразить себе тысячи споров, вытекающих из того, что собственность будет висеть на волоске. Но в действительности споры окажутся невозможны. Они представляют порождение ложной и преувеличенной любви к самим себе. Вам нужен мой стол? Сделайте себе другой, или, если я в этом отношении опытнее вас, я сделаю его для вас. Он вам нужен немедленно? Тогда сравним насущность вашей нужды в нем и моей, и пусть решает справедливость.

Все эти замечания приводят нас к рассмотрению одной добавочной трудности, связанной с разделением труда. Будет ли каждый человек сам делать все нужные ему инструменты, мебель и необходимые вещи? Это может стать очень затяжным делом. Всякий производит работу, к которой он привык, лучше и скорее, чем человек непривычный. Разумно, чтобы вы

делали для меня то, что потребует у меня, может быть, в три или четыре раза больше времени и что в конце концов все же я сделаю плохо. Но введем ли мы торговлю и обмен? Ни в коем случае. Отвлеченная идея обмена может быть, будет существовать; все люди одинаковую часть своего времени будут употреблять на физический труд. Но обмен в личных интересах это — очень вредная практика. Как только я начинаю снабжать вас по каким-либо иным основаниям, кроме настоящей вашей потребности, как только в дополнение к требованиям благожелательности я начинаю претендовать на какие-то выгоды для себя, тогда кончается политическая справедливость и нарушается чистота общественной системы, которую мы обсуждаем. Никто не будет заниматься торговлей. Нельзя предположить, чтобы кто-нибудь стал производить любую нужную вещь иначе, как в соответствии с потребностью в ней. Из всех профессий самой выдающейся, в которую каждый человек внесет свою долю, будет профессия просто человека и, может быть, в добавление еще и земледельца.

Разделение труда в изображении писателей-экономистов по большей части является порождением алчности. Было установлено, что десять человек могут сделать в двести сорок раз больше булавок в день, чем один человек[15]. Это достижение способствует развитию роскоши. Цель заключается в том, чтобы установить, как много можно выколлотить из труда низших классов для того, чтобы еще лучше позолотить праздных и высокомерных. Изобретательность купца подстрекает к новым усовершенствованиям такого рода, которые помогают еще больше богатств сосредоточить в его собственных сундуках. Возможность произвести сокращение количества затрачиваемого труда указанным способом сильно уменьшится, когда люди научатся отказываться от излишнего. Польза такого уменьшения количества требуемого труда, когда вообще труда будет затрачиваться так мало, едва ли уравнивает зло, проистекающее из широкого сотрудничества. Из сказанного по этому поводу ясно, что будет существовать разделение труда, если сравнивать обсуждаемое нами общество с состоянием одиночек и дикарей. Но произойдет широкое соединение труда, если сравнивать это общество с тем, к какому мы привыкли сейчас в культурной Европе.

[15] *Смит*. Богатство народов, кн. 1, гл. 1{32}.

Глава VII. Возражение против нашей системы с точки зрения роста народонаселения

Сущность возражения. — Отдаленность предполагаемых последствий. —

Предположительные средства для противодействия им. — Всемогущество разума. —

Примеры. — Причины одряхления. — Молодость может быть продолжена при бодрости духа, ясности ума и доброжелательности характера. — Силы, которыми мы владеем, по существу своему способны развиваться. — Полезность этих указаний уже в настоящее время. — Их значение для общества в его будущем состоянии.

Один писатель, много размышлявший над вопросом об управлении[16], рекомендует равную или, по его мысли, общую собственность как наилучшее средство от незаконного присвоения и бедности, являющихся в настоящее время самыми могущественными врагами человеческого рода, от тех пороков, которые в некоторых случаях мешают воспитанию, а во многих — вызывают полное пренебрежение им, от всех волнений страстей, от всякой несправедливости и эгоизма. Но нарисовав такую картину, казалось бы, столь же правдивую, сколь радостную, он выставляет довод, все разрушающий и восстанавливающий безразличие и отчаяние, именно довод о последующем чрезмерном росте народонаселения.

[16] Уоллес. Различные представления о человечестве, природе и судьбе{33}.

Один из самых серьезных доводов против этого возражения заключается в том, что такое рассуждение предполагает трудности, которые возникнут в слишком отдаленном будущем. Три четверти поверхности земного шара, которые могут быть населены, остаются необработанными. Обрабатываемые же площади допускают огромные усовершенствования в обработке. Население сможет возрастать еще, вероятно, несчетное количество веков, а земли все еще будет достаточно для прокормления жителей. Кто вообще может предсказать, как долго сама земля сумеет преодолевать все случайности, заключенные в планетной системе? Кто может сказать, какие средства представятся для устранения такой отдаленной трудности, когда впереди еще столько времени для практических мероприятий, о которых мы сейчас, в наше время, не можем иметь ни малейшего представления? Было бы, Действительно, нелепо пугаться системы, столь благодетельной для человечества,

только потому, что люди станут слишком счастливы и вследствие этого смогут через большой промежуток времени оказаться слишком многочисленными.

Но хотя эти замечания составляют достаточный ответ на указанное возражение, но может быть не излишне пуститься в некоторые рассуждения, к которым это возражение естественно приводит. Говоря языком одного из авторов священного писания, земля «во веки пребывает»{34}. Тогда возникает опасность ее перенаселения и потребуются средства для избавления от этого. Если это действительно так, то зачем нам быть беспечными и безразличными и считать, что не существует никаких средств противодействия этому. Если бы мы открыли их, то это укрепило бы прочность и основательность наших перспектив; кроме того, можно с большим основанием предполагать, что то средство, которое будет представлять в будущем регулирующую пружину нашего поведения, может и сейчас уже привести к благотворным изменениям. Дальнейшее надо рассматривать до известной степени как уклонение в область предположений. Если они даже окажутся ошибочными, то та великая система, которую они должны восполнить, останется по здравому смыслу неопровергнутой. Если дальнейшее и не даст нужного средства, то из этого не следует, что такого средства вообще не существует. Великая цель всего исследования останется все же в силе, как бы ошибочны ни оказались предлагаемые дальше рассуждения.

Вернемся еще раз к высокой мысли Франклина{35}, что «когда-нибудь разум приобретет всемогущую власть над материей[17]. Если он будет всемогущ над всякой материей, то почему не над нашим собственным телом? Если разум приобретет всемогущество над материей даже на больших расстояниях, то почему не над той, которая всегда с нами и которая, как бы мы ни были несведущи относительно связи, соединяющей ее с началом разума, всегда останется посредником между этим разумом и внешним миром?

[17] Я имею только один источник, на который могу сослаться, приводя это выражение, именно разговор с д-ром Прайсом. Я счастлив, что после расспросов получил подтверждение со стороны племянника д-ра Прайса и Уильяма Моргана{36}, неоднократно слышавшего его от дяди.

Многие случаи, когда мысль видоизменяет внешний мир, очевидны для всех. Он видоизменяется согласно нашему целевому образом направленному мышлению или намерению. Мы желаем протянуть свою руку, и она протягивается. Мы совершаем тысячу действий того же рода каждый день, и их привычность мешает замечать то, что в них есть диковинного. Сами по себе они не менее удивительны, чем любое из тех видоизменений внешнего мира, которые мы вообще не привыкли замечать. Сознание меняет тело произвольно. Волнение, вызванное каким-нибудь неожиданным словом, письмом, полученным нами, сопровождается самыми необычными переменами в нашем физическом существе, оно ускоряет кровообращение, вызывает сердцебиение, язык отказывается выполнять свои функции, и даже известны случаи, когда чрезмерное страдание или чрезмерная радость вызывали смерть. Все эти проявления волнения мы можем как поощрять, так и сдерживать. При их поощрении могут возникнуть привычные обмороки или привычные же приступы ярости. В сдерживании их заключается основная задача душевного мужества. Усилия сознания при сопротивлении страданию, как это известно из истории Кранмера{37} и Муция Сцеволы{38}, относятся к явлениям того же рода. Можно думать,

что такие же усилия, но с иной направленностью содействуют излечению некоторых заболеваний. Врачи очень часто наблюдают, как силы духа помогают выздоровлению или задерживают его.

Почему зрелый человек вскоре теряет эластичность своих членов, свойственную молодости с ее веселостью, не знающей удержу? Потому, что он отступает от привычек молодости. Он приобретает важную поступь, несовместимую с легкомыслием молодых порывов. Он испытывает все заботы, вытекающие из наших ложных учреждений, они его раздражают, и сердце его не знает больше удовлетворения и радости.

Самое важное свойство для физического здоровья представляет бодрость духа. Каждый раз, как мы становимся мрачны, рассеяны и печальны, наша жизнь сокращается на определенный отрезок времени. Упадок духа сродни смерти. Но бодрость духа придает новую жизнь нашему физическому организму и ускоряет циркуляцию соков. В организме человека, сердце которого спокойно, а воображение живо, ничто не может долго оставаться в застойном состоянии.

Другое важное условие для обсуждаемого нами положения составляет ясная и точная работа ума. Если я хорошо знаю, чего я желаю, то мне будет легко успокоить порывы страдания и ускорить замедленную работу организма. Истинным источником бодрости духа служит доброжелательность. Добродетель обладает прелестью, никогда не увядающей. Душа, постоянно преисполненная добротой и сочувствием, всегда будет бодрой. Человек, постоянно занятый вопросами общественного блага, всегда будет активен.

Значение всех этих рассуждений просто и неопровержимо. Если разум сейчас в значительной степени управляет организмом, то почему он не может расширить свою власть? Если наши произвольные мысли могут расстроить или восстановить физические процессы, то почему мы не сумеем с течением времени как в этом, так и в других случаях дать нашим мыслям, сейчас произвольным, определенное предназначение? Если воля и сейчас может чего-то достигнуть, то почему в дальнейшем она не сумеет достигать все большего и большего? Нет ни одного разумного Начала, менее сомнительного, чем следующее: если мы обладаем в каком-нибудь отношении большой властью сейчас и если сознание по своему существу способно развиваться, то, исключая какие-нибудь чрезвычайные потрясения в природе, эта власть сможет развиваться и обязательно разовьется далеко за пределы, которые мы в состоянии предвидеть. Всего неразумнее и самонадеяннее мысль, что какой-нибудь род способностей совершенно недоступен воздействию человеческого сознания только потому, что сейчас он недоступен нашим наблюдениям. Мы говорим с легкостью о пределах наших способностей, но нет ничего более трудного, чем определение этих пределов. Сознание, по крайней мере с точки зрения развития, беспредельно. Если бы кто-нибудь сказал диким обитателям Европы во времена Тезея^{39} и Ахилла^{40}, что человек сумеет предсказывать затмения и взвешивать воздух, что он сможет так объяснять явления природы, что не останется места для чудес, измерять расстояние от нас до небесных тел и определять их размеры, то это бы показалось им не менее удивительным, чем возможность найти средства для сохранения человеческому телу вечной юности и силы.

Здесь надлежит сделать еще одно замечание. Если приведенные средства должны привести к полному устранению немощей нашей природы, то хотя мы не можем обещать быстрого и полного успеха, мы, вероятно, сумеем извлечь из них некоторую пользу уже теперь. Они помогут нам сохранять наши силы и позволят жить, пока мы живы. Каждый раз, когда наши мысли охватывают тревога и печаль, наша физическая жизнь нарушается. Каждый раз, когда томление и безразличие овладевают нами, физические функции приходят в упадок. Живость циркуляции крови соответствует той крепости и бодрости, которую мы испытываем.

Поддерживая свои добрые и благожелательные наклонности, мы можем быть уверены, что в согласии с ними всегда сумеем найти что-нибудь привлекающее наш ум и занимающее его.

Как часто случается, что неожиданная добрая весть рассеивает недомогание. Как часто мы замечаем, что такие происшествия, которые для человека бездеятельного служат причиной заболевания, людьми занятыми и активными забываются и устраняются из сознания. Для нас, несомненно, очень важно ознакомиться со значением в этом отношении сознательных намерений, навыков и настойчивости. Я прохожу расстояние в двадцать миль в состоянии пассивности и неопределенности намерений и чувствую крайнюю усталость. Я прохожу двадцать миль, полный энергии, с определенными целями, подымающими мой дух, и прихожу таким же свежим и живым, каким я начал путь. Мы заболеваем и умираем, вообще говоря, потому, что мы согласны подвергнуться этим случайностям. При теперешнем состоянии человечества такое согласие в известной степени неизбежно. Для того чтобы единодушно отвергать его, надо иметь более твердые намерения и ясные взгляды. Хотя бы не всегда, но порой мы можем отказать в таком согласии.

Теперь приложим эти соображения к вопросу о народонаселении. Ум развитой и сильный имеет склонность делать нас равнодушными к чувственным наслаждениям. Сейчас они нравятся своей новизной, иначе говоря, потому, что мы не умеем их правильно оценивать. Их ослабление по мере приближения старости косвенно объясняется тем, что организм отвергает их, но непосредственная и основная причина такого ослабления заключается в том, что они больше не возбуждают жара и страсти сознания. Хорошо известно, что возбужденное воображение может удвоить и утроить половую секрецию. И сейчас привлекательность чувственных наслаждений обманчива. Мы скоро начинаем презирать чисто животные отправления, которые, если отвлечься от обольщений сознания, всегда остаются почти одинаковыми; мы начинаем ценить их только в тех случаях, когда их возвышает личная привлекательность или умственное превосходство. Мы ошибочно предполагаем, что для взаимного согласия и общения умов нет лучшего пути. Проявив немного внимания, мы убедились бы, что этот путь ложен и чреват опасностями и разочарованиями. По какой причине могу я уважать другого человека или быть уважаемым им? Только потому, что уважение им заслужено, и только до тех пор, пока оно заслужено.

Поэтому люди, которые будут существовать к тому времени, когда земли станет недостаточно для более многочисленного населения, перестанут плодиться, ибо их к тому ничто не будет более побуждать, ни заблуждения, ни обязанности. В дополнение к этому они, может быть, приобретут бессмертие. В целом это будет народ, состоящий из зрелых людей, а не из детей. Поколения не будут сменять поколения, и истина не должна будет на

исходе каждых тридцати лет возобновляться. Не будет войн и преступлений, ни отправления правосудия, как это теперь называется, не будет правительства. И это произойдет не в очень отдаленном времени; не исключается, что кто-нибудь из живущих теперь увидит осуществление части этих предсказаний. Но помимо того, не будет болезней, страданий, печали, злопамятства. Каждый человек будет ревностно стремиться к общему благу. Ум будет активен и энергичен и никогда не будет знать разочарований. Люди будут наблюдать постепенные успехи добра и блага и будут знать, что если порой их надежды не осуществляются, то самая эта неудача составляет необходимую часть прогресса. Люди поймут, что сами они представляют звенья одной цепи, что каждый приносит определенную пользу, и не останутся равнодушными к ней. Они будут стремиться познать Добро, которое уже существует, те способы, которыми оно было достигнуто, и еще больше предстоящее им добро. Им никогда не потребуются побуждения для действия, потому что, хорошо понимая и глубоко любя общее благо; они не смогут не содействовать ему{41}.

Глава VIII. Способ установления истинной системы собственности

Представления, которые имеются по этому вопросу. — Ожидание резни. — Выводы, которые должны быть сделаны относительно реальности этих представлений. — Зло как вполне устранимый спутник прогресса. — Обязанности, возникающие в этих условиях 1) у тех, кто обладает качествами, нужными для общественных наставников, — их нрав, искренность, губительное влияние в этих случаях притворства; 2) у богатых и знатных, — можно думать, что многие из них станут сторонниками равенства, — поведение, которое предписывается им как целому; 3) у друзей равенства вообще. — Всемогущество истины. — Необходимость в мягком и благожелательном способе действия. — Связь между свободой и равенством. — Причины, создающие равенство, будут постоянно усиливать свое влияние. — Признаки их роста. — Мысли об успехе равенства в будущем. — Заключение.

После того как мы подробно и без умолчания обсудили все части нарисованной нами замечательной картины, нам остается рассмотреть лишь один вопрос. Каким образом будет осуществлено это важное усовершенствование человеческого общества? Не желательно ли для этого сделать предварительно какие-нибудь определенные шаги? Может быть, неизбежны какие-нибудь предварительные меры? Не будет ли период, предшествующий равенству, по необходимости омрачен распространением некоторого зла?

Ни одна идея не вызывала большего отвращения в умах множества людей, чем то, что они называют уравнительными началами, распространение которых должно будто бы повлечь за собой много бедствий. Они думают, «что эти начала неизбежно будут производить брожение в умах простого народа и что попытка осуществить их будет сопровождаться разнообразными бедствиями». Они представляют себе, как «непросвещенная и нецивилизованная часть человечества, освобожденная от всякого принуждения, предается всевозможным крайностям. Знание и понимание, достижения ума, открытия, сделанные мудрецами, красоты поэзии и искусства будут растоптаны ногами и уничтожены варварами. Это будет новое нашествие готов и вандалов, но с тем печальным осложнением, что змея, укус которой смертелен, откормлена на нашей груди». Они представляют себе, что дело «начнется с убийств». Они думают, «что все люди видные, занимающие первенствующее положение и знатные будут в числе первых жертв. Все, кто отличается особой изысканностью манер или решительностью слога и мысли, неизбежно станут предметом зависти и подозрений. Тот, кто бесстрашно будет помогать преследуемым или

провозглашать народу те истины которые он менее всего склонен слушать, но которые ему как раз более всего следует выслушивать, будет предназначен для убиения».

Но мы не должны пугаться изображенной здесь картины, притом не из пристрастия к системе равенства, нарисованной в нашей книге. Легко можно себе представить, что революция будет сопровождаться резней, и, вероятно, это самое отвратительное, что можно себе вообразить, даже учитывая ее непродолжительность. Боязливые, безнадёжные упования тех, кто потерпел поражение, и кровожадная ярость их победителей представляют такое сочетание зла, которое превосходит все то, что говорится об ужасах ада. Хладнокровные избиения, совершаемые под именем правосудия, все же не так страшны даже при самом своем ужасном проявлении, как эти убийства. Исполнители закона и его орудия в силу привычки примирили свое сознание с тем страшным делом, которому они служат, они принимают свою долю участия в самых возмутительных безобразиях, нисколько не отдаваясь страстям, с ними связанным. Но участники резни действуют под влиянием ярости. Их глаза сверкают огнем бешенства и злобы. Они преследуют свои жертвы из улицы в улицу и из дома в дом. Они вырывают их из объятий отцов и жен. Они пресыщаются жестокостью и надругательством и издают крики отвратительного восторга при зрелище причиняемых ими мук.

Мы увидели теперь эту страшную картину; какие же выводы надлежит из нее сделать? Должны ли мы отказаться от разума, от справедливости, от добродетели и счастья? Предположим, что неизбежным последствием приобщения к истине будет временное появление таких сцен, как только что нами описанная, должны ли мы на этом основании отказаться от распространения ее? Совершенные преступления будут по ошибочному представлению казаться последствиями знакомства с истиной, но на самом деле это результат заблуждений, внушенных прежде. Беспристрастный исследователь увидит в них последние усилия погибающего деспотизма, который, в случае если бы он остался жив, произвел бы бедствия, едва ли менее ужасные в момент их совершения, но гораздо более пагубные по своей долговременности. Если рассуждать правильно, то, даже допуская прежде сделанное неблагоприятное предположение, надо противопоставить момент ужаса и отчаяния векам счастья. Никакое воображение не может дать полное представление о том умственном развитии и спокойной добродетели, которые наступят, когда собственность будет Установлена на естественных основаниях.

Какими способами можно вообще заглубить истину и сохранить спасительную отраву и успокоительное безумие, так желанные некоторым людям? Политика правительств всего мира в целом клонилась к этому на протяжении многих веков. Есть ли у нас рабы? Тогда мы должны старательно охранять их невежество. Есть ли у нас колонии и подвластные земли? Тогда все наши усилия должны быть направлены на то, чтобы они не стали слишком населены и богаты. Есть ли у нас подданные? Тогда, «превратив их в бессильных и бедных, нам удастся сохранить их послушными; избыток годен лишь к тому, чтобы сделать их непокорными, непослушными и мятежными»[18]. Если бы такова была истинная сущность общественного устройства, то нам, конечно, следовало бы с отвращением отпрянуть от нее. Каким ужасным неудачником оказался бы весь человеческий род, если бы все попытки сделать его разумным привели бы только к тому, что он лишился бы всех правил и стал беспутным. Но ни один человек, способный уделить этому вопросу сколько-нибудь

беспристрастного внимания, не сможет в это поверить. Могут ли истина, понятие о справедливости и желание осуществить ее стать источником непоправимого крушения человечества? Можно допустить, что первое пробуждение ума и просветление его будут сопровождаться беспорядком. Но всякий, рассуждающий правильно, должен признать, что на смену замешательству придут порядок и счастье. Отказ от такого средства для достижения счастья, если бы даже оно оказало описанное действие, напомнило бы тот случай, когда человек, повредивший свою конечность, отказался бы подвергнуться тому мучению, которое связано с ее вправлением. Если человечество сейчас потеряло путь к добродетели и счастью, то нет разумных оснований для него всегда идти по ложной дороге. Мы не должны отказываться от осуждения ошибок и от рассмотрения явлений, вытекающих из них.

[18] Кн. V, гл. III{42}.

В этой связи возникает еще один вопрос. Можно ли вообще подавить истину? Можно ли приостановить успехи пытливого ума? Если бы это и было возможно, то не иначе, как при помощи самого жестокого деспотизма. Ум человека постоянно стремится к развитию. Его можно сдержать только силой, которая на протяжении всего его существования противодействовала бы его естественным стремлениям. Для этого пришлось бы применить меры деспотические и кровавые. Они создали бы картину жалкую и отвратительную. В результате возникла бы глубокая умственная тьма, страх, подбострастие, лицемерие. Такова альтернатива, если вообще она возможна, так что государи и правительства земного шара должны сейчас сделать выбор между двумя противоположными мероприятиями: они либо должны подавить прогресс путем самого неограниченного применения силы, либо предоставить свободную и спокойную возможность каждому человеку вырабатывать и защищать свое мнение.

Несомненно, правительство обязано сохранять самый неуклонный нейтралитет в этом важном деле. Несомненно, все люди обязаны оглашать истину без робости или умолчаний, оглашать ее в подлинном виде, не прибегая к содействию лживых приемов печати. Чем больше ее будут оглашать, чем лучше ее будут знать во всем ее объеме, а не по частям, тем менее возможно ее сочетание с губительными последствиями заблуждения и ее отступление перед ними. Истинный человеколюбец будет горячо стремиться не подавлять обсуждение вопроса, но принимать в нем деятельное участие, проявляя всю силу своих способностей к исследованию, и содействовать своими усилиями острой и глубокой работе мысли.

Теперь, когда стало ясно, что истина должна быть провозглашена любой ценой, то нам надо посмотреть, какова же точно эта цена, т. е. надо исследовать, сколько беспорядка и насилия неотделимо связано с тем перерождением, которому должен подвергнуться разум. И тогда обнаружится со всей ясностью, что зло отнюдь нельзя считать неотделимым от прогресса. В самом факте приобретения знаний и постепенного ознакомления с истиной не заключается еще никакой предпосылки к беспорядку. Зло может возникнуть только при столкновении мнений, только когда одна группа людей в общине отстранит другую, отвергнув ее взгляды на прогресс, и проявит нетерпимость к той оппозиции, которую она встретит.

В эту интересную эпоху, когда разум во всяком случае будет переживать настоящий перелом в своей истории, на долю каждой группы людей в общине выпадут высокие обязанности. Прежде всего это коснется тех просвещенных и сильных умов, которым надлежит сделаться наставниками остальных в деле открывания истины. Они обязаны быть деятельными, неутомимыми и бескорыстными. Им надлежит воздерживаться от возбуждающих речей, от всяких едких и злобных выражений. Нелепо правительству брать на себя в этом отношении роль критика и устанавливать мерило для определения должной степени свободомыслия и благопристойности; но именно по этой причине те, кто сообщают свои мысли публике, обязаны особенно строго следить за собой. Весть об установлении свободы и равенства — это весть о доброжелательном отношении ко всем людям. Свобода и равенство избавят крестьянина от несправедливости, подавляющей его разум, а привилегированных — от роскоши и деспотизма, развращающих их. Пусть люди, несущие нам эту весть, не запятнают своего великодушия, показав, что оно еще не сжилось с их сердцами.

Не менее важно, чтобы они поспешили сообщить всю истину без умолчания. Нельзя себе представить ничего более вредного, чем правило, предписывающее считаться с духом времени и говорить только то, что, как нам кажется, наши современники способны понять. В настоящее время такая практика принята почти повсеместно и служит признаком весьма глубокой испорченности. Мы кромсаем и разрываем правду на части. Мы делимся ею с нашими собратьями не в том широком объеме, в каком узнали ее сами, но с той скупостью, какая диктуется нам нашей собственной жалкой осторожностью. Мы начинаем ссылаться на то, что эта истина пригодна для одной страны и не пригодна для другой, но ведь это та истина, которую мы признаем вечно неизменной. С целью обмануть других со спокойной совестью, мы начинаем с того, что обманываем самих себя. Мы надеваем путы на свой разум и не дерзаем свободно верить самим себе в поисках истины. Такая практика получила свое начало в партийных махинациях и в стремлении умного и предприимчивого вождя тащить в своей свите целую армию слабых, робких и себялюбивых сторонников. Нет оснований, по каким я не мог бы заявить в любом собрании на земном шаре, что я республиканец. Если я республиканец при монархическом правлении, то у меня не больше оснований примыкать к неистовым мятежникам для нарушения общественного спокойствия, чем монархистам при республике. Всякое сообщество людей, как и каждый отдельный человек, должно направлять свою деятельность в соответствии с общественными идеями справедливости. Я должен стремиться не к тому, чтобы насильственно изменить учреждения, но к тому, чтобы доводами разума изменить идеи. Мне нет никакого дела до мятежников и интриганов, но я хочу просто распространять истину и намерен ждать, пока спокойно утвердится вера в нее. Если будет созвано какое-нибудь собрание, не согласное с этим, то я не должен принимать в нем участия. Но чаще мы склоняемся к тому, что «вопрос чести», или, лучше сказать, вопрос полезности «представляет собой личное дело каждого»[19].

[19] *Аддисон. Катон*{43}.

Обсуждаемое нами притворство, помимо дурного влияния, оказываемого им на того, кто прибегает к нему, и помимо того, что оно портит и подрывает репутацию человека в обществе, имеет еще особенно вредные последствия в том отношении, которое мы сейчас рассматриваем. Оно как бы закладывает мину и готовит взрыв. Таковы последствия всех

противоестественных ограничений. В то же время ничем не сдерживаемое распространение истины всегда благотельно. Ее успехи идут последовательно, и каждый этап подготавливает общее сознание к следующему. Бывают такие неожиданные и неподготовленные проявления истины, которые легко лишают людей трезвости в мыслях и власти над собой. Умолчания в этих случаях сразу делают массу грубой и озлобленной, как только она откроет, что от нее что-то скрывают, и в то же время они сбивают с правильного пути носителей политической власти. Они убаюкивают последних в сознании ложной безопасности и побуждают их к зловещему упорству.

Рассмотрев обязанности при таком кризисе людей просвещенных и мудрых, мы теперь должны обратить наше внимание в сторону совершенно другой социальной группы, в сторону богатых и знатных. И здесь прежде всего надо заметить, что мы совершаем очень большую ошибку, когда, как это часто бывает, не верим в возможность превратить их в сторонников равенства. Люди не так жалко себялюбивы, как это предполагают сатирики и царедворцы. Мы никогда не приступаем ни к какому действию, не обдумав, каковы требования справедливости в этом случае. Мы всегда стремимся удостовериться, что поступки, к которым нас побуждают наши склонности, безвредны и правильны[20]. Поэтому, поскольку мысли о справедливости занимают так много места в работе человеческого сознания, нет разумных оснований сомневаться в том, что яркое и сильное представление о справедливости окажется мощным двигателем, воздействующим на наш выбор. Но затем путь добродетели, избранный нами по каким бы то ни было основаниям, оказывается желанным по тысяче других причин. Он дает нам репутацию, положение, внутреннее довольство и высокую радость удовлетворенного разума.

[20] Кн. II, гл. III{44}.

Богатые и знатные далеко не безразличны к вопросам общего благополучия, когда эти вопросы представлены им с той ясностью и притягательностью, которые могут на них воздействовать. Их разум свободен от влияния одного большого недостатка. Их не ожесточила неумолимая деспотия, и горизонт их не сузился под постоянным давлением нужды. Они особенно хорошо могут судить о пустоте той роскоши и тех радостей, которые вызывают такое восхищение при наблюдении со стороны. Часто можно заметить, что они довольно равнодушны к этим вещам, если только они не слишком утвердились в своих привычках или закоренели в них с годами. Если вы покажете им привлекательность благородства и великодушия при отказе от старых преимуществ, то во многих случаях они охотно готовы будут решиться на это. Как только какое-нибудь событие возбудит активность ума, за ним обязательно последуют действия; мало людей настолько неактивных, чтобы навсегда предаться беспечному пользованию преимуществами, данными им с рождения. Тот же дух, который толкал молодых представителей знати в ряду поколений навстречу лишениям войны, легко может быть использован для того, чтобы превратить их в сторонников дела равенства; нельзя представить себе, что наличие высокой доблести и искренности в этом деле не даст должного результата.

Но вообразим, что значительная часть богатых и знатных не захочет действовать иначе, как только ради собственных выгод и удобств. Нетрудно будет убедить их, что в этом отношении их собственные интересы допускают разве только умеренное и мягкое

противодействие. Бесспорно, что спокойствие или замешательство в жизни человечества в будущем сильно зависит от поведения этой группы. Я сказал бы им: «Тщетно бороться с истиной. Это равносильно попытке остановить рукою человека морской прилив. Отступитесь вовремя. Обеспечьте свою безопасность уступками. Если вы не хотите стать на сторону политической справедливости, то по крайней мере вступите в переговоры с неприятелем, которого вы не можете осилить. Многое, очень многое зависит от вас самих. Если вы будете мудры, если вы будете осторожны, если вы намерены по крайней мере обеспечить свою жизнь и личную безопасность среди общего крушения привилегий и безрассудства, то вы сами не захотите вызвать против себя раздражение и бравировать. Если только вы не будете опрометчивы, то не произойдет никакого беспорядка, не будет никаких убийств, не прольется ни одной капли крови, и вы сами будете счастливы. Если же вы бросите вызов буре и обрушите на свои головы негодование, то все же останется надежда, что удастся сохранить общее спокойствие. Но если случится иначе, то главным образом вы сами будете нести ответственность за все последствия, которые из этого вытекут.

Но прежде всего пусть вас не усыпляет опрометчивое и необдуманное сознание своей безопасности. Мы уже видели, как это сознание укрепилось в наше время под влиянием лицемерия и нестойкости людей разумных и просвещенных, тех, кто много понимает, об еще большем имеет путаное представление, однако не дерзает рассмотреть все в целом уверенным и спокойным взглядом. Но существует опасность еще более осязательная. Пусть нас не совратит с пути бездумный и будто бы всеобщий протест тех, кто лишен руководящих начал. Давно установлено, что всяческие заявления — весьма плохой критерий будущего поведения людей. Не рассчитывайте на длинную вереницу своих сторонников, приближенных и слуг. Они представляют очень слабую защиту. Они — люди и не могут быть равнодушны к интересам и притязаниям человечества. Некоторые из них будут примыкать к вам до тех пор, пока корыстный интерес будет их к тому побуждать. Но в тот момент, когда они увидят, что ваше дело проиграно, те же интересы побудят их перейти под знамя ваших врагов. Они рассеются, как утренний туман.

Нельзя ли мне надеяться, что вы способны понять другого рода выводы? Не испытаете ли вы угрызений совести при мысли, что вы противодействуете величайшему благу? Нравится ли вам, что самые просвещенные из ваших современников будут считать вас упорными врагами человеколюбия и справедливости и передадут об этом отдаленнейшему потомству? Можете ли вы примирить ваш разум с тем, что из-за корыстных интересов, Ради сохранения всеобщего разложения и злоупотреблений, вы содействуете удушению истины и разрушаете только что рожденное счастье человечества?» Дай бог, чтобы эти доводы дошли до сознания просвещенных и образованных сторонников знати! Дай бог им убедиться, что при решении такого важного вопроса нельзя слушаться своих страстей или предрассудков, нельзя следовать полету воображения! «Мы знаем, что истина не нуждается в вашем союзе для обеспечения своего торжества. Мы не боимся вашей вражды. Но наши сердца кровоточат, видя, сколько благородства, сколько дарований и сколько добродетели порабощено предрассудками и завербовано на сторону заблуждений. Мы спорим с вами в ваших же интересах и во имя чести человечества».

Надо сказать несколько слов общей массе сторонников дела справедливости. «Если доводы, приводимые в нашем труде, обладают какой-нибудь достоверностью, то мы вправе, по меньшей мере, сделать из них тот вывод, что истина неотразима. Если человек вообще обладает разумной природой, то все, что явно убедило его в своей правильности, после приведения должных доказательств и до тех пор, пока эта убедительность воздействует на него, неизбежно должно заставить его принять соответствующее решение. Бесцельно говорить, что ум изменчив и непостоянен, потому что он таков только до тех пор, пока доказательства недостаточны. Как только сила доказательств возрастет, убежденность укрепитя и решение станет обязательным. Природа отдельного человеческого ума такова, что он постоянно расширяет запас идей и знаний. Такова же сущность и общего человеческого разума, за исключением тех случаев, которые, вытекая из более общей системы вещей, как бы нарушают установленный порядок в системах ограниченных. Это положение подтверждается, когда истина всеобъемлющего характера утверждается частичными опытами, что приводит к систематическим успехам человеческого разума на протяжении веков, начиная с момента изобретения печати.

Эта аксиома о всемогуществе истины должна быть для нас рулем в наших начинаниях. Не надо спешить с осуществлением сегодня того, что завтра с распространением истины станет неизбежным. Мы не должны с тревогой следить за поводами и случаями: воздействие истины не зависит от случайностей. Мы должны тщательно избегать насилия: сила — не убеждение, она не достойна Дела истины. Мы не должны допускать в свои сердца презрения, враждебности, злопамятности или мстительности. Дело справедливости — это дело человечества. Его сторонники должны быть преисполнены доброжелательности ко всем. Мы должны любить истину, так как она приведет к счастью всего человечества. Мы должны любить ее, потому что нет ни одного живого человека, который при естественном и спокойном ходе процесса не станет счастливее при приближении к истине. Самая важная причина, задержавшая ее осуществление, заключается в неправильном поведении ее сторонников, в суровости, грубости и непреклонности, вложенными в дело, так как оно представляет одно человеколюбие. Названных обстоятельств было достаточно, чтобы удержать большую массу заинтересованных от проявления терпеливого внимания к этому делу. Сторонники равенства, возрастающие сейчас в числе, должны позаботиться о том, чтобы устранить указанные препятствия на их пути. Перед нами две всем ясные обязанности, которые нельзя не понять, если правильно приняться за дело. Первая заключается в неусыпном внимании к великому орудию, предназначенному для осуществления справедливости, к разуму. Мы должны провозглашать свои взгляды с предельной искренностью. Мы должны стараться, чтобы они оказали влияние на умы других людей. При этих попытках нельзя допускать никакого упадка духа. Мы должны обострить свои интеллектуальные способности, расширить свои знания, проникнуться сознанием благородства своей задачи и постоянно поддерживать свой дух и самообладание, которые позволят нам осуществить наши принципы. Вторая наша обязанность заключается в спокойствии».

Было бы неправильно пройти мимо вопроса, обязательно возникающего у читателей: «Если должно произойти уравнение собственности не с помощью закона, административных распоряжений или публичных установлении, но лишь путем личной убежденности людей, то с чего должно это начаться?» При ответе на этот вопрос нет необходимости доказывать то

простое положение, что всякий республиканизм, всякое уничтожение рангов и привилегий неизменно ведет к уравниванию собственности. В Спарте{45}, например, последний принцип был полностью признан. В Афинах дары на общественные нужды были так велики, что граждане были почти свободны от физического труда; богатые и знатные, в сущности, покупали право на свои преимущества той щедростью, с которой они предоставляли свои богатства народу. В Риме часто проводились аграрные законы{46}, хотя и представлявшие жалкую и неудачную замену равенства, но возникавшие из того же стремления. Если рассудительность людей будет постоянно возрастать, а это, конечно, будет происходить с большой скоростью, если плохо устроенные правительства, замедляющие сейчас прогресс, будут устранены, то те же основания, которые убедили людей в несправедливости социальных рангов, убедят их в несправедливости такого положения, при котором один человек нуждается в том, чем владеет другой, нисколько не увеличивая при этом своего благополучия.

Обычно люди ошибочно воображают, что эту несправедливость могут чувствовать только низшие слои населения, страдающие от нее; отсюда мысль, что исправлена она может быть только насильственно. На это надо, во-первых, заметить, что от такого положения вещей страдают все,— богатые, которые богатеют, и бедные, которые нуждаются. Во-вторых, на протяжении нашей работы было ясно показано, что личные интересы вовсе не настолько управляют людьми, как это часто предполагается. Еще гораздо яснее, если это возможно, было показано, что эгоисты руководствуются не только стремлением к чувственным радостям или страстью к наживе, но что желание достичь выдающегося положения и отличий представляет в разных степенях всеобщую страсть. Наконец, третье и самое существенное возражение сводится к тому, что распространение истины представляет наиболее могущественное средство. Нет ничего абсурднее предположения, что теория в лучшем смысле слова не обязательно связана с практикой. Если мы ясно и отчетливо убедимся в правильности какого-нибудь положения, то оно неизбежно окажет влияние на наше поведение. Разум не представляет смеси различных идей, борющихся друг с другом за господство, но, напротив, дело обстоит так, что воля всегда возбуждается последним решением сознания. Когда люди ясно поймут нелепость роскоши и эта мысль у них укоренится, когда соседи разделят их пренебрежение к ней, немислимо себе представить, чтобы они стали стремиться к богатству с той же алчностью, как прежде.

В истории Европы от времен варварства до утонченной цивилизации нетрудно отметить тенденцию к уравниванию собственности. В эпоху феодализма, как теперь еще в Индии и в других странах, люди рождались в определенном положении, так что крестьянину было почти невозможно подняться до ранга дворянина. За пределами дворянства не было богатых людей, так как торговля как внутренняя, так и внешняя едва существовала. Торговля была тем орудием, которое помогло уничтожить барьер, казавшийся непреодолимым; она оскорбляла предрассудки дворянства, готового верить, что зависимые от него люди принадлежат к другой породе, чем оно само. Образование представляло другое и еще более мощное орудие. На протяжении всей истории церкви мы видим, как люди самого низкого происхождения подымались до ее вершин. Торговля помогла доказать, что богатства могут достигать не только люди, одетые в кольчугу, образование же помогало доказать, что люди низкого происхождения способны превзойти своих господ. Внимательный наблюдатель легко заметит возрастающее воздействие таких идей. Еще

долго после того, как наука начала распространять свою власть, ее служители сохраняли такие рабские навыки и делали такие низкопоклонные посвящения, о которых никто не может слышать сейчас без удивления. Только много позже люди поняли, что при умственном превосходстве человек не нуждается для достижения своих целей в покровителе. Сейчас среди культурных и образованных людей человек слабого здоровья, но большой умственной силы и крепкого доблестного духа всегда будет принят со вниманием и уважением; если бы его сосед, гордый своим тугим кошельком, вздумал обращаться с ним заносчиво, то можно быть уверенным, что он скоро потерял бы к этому охоту. Жители отдаленных деревень, где давно установившиеся предрассудки разрушаются медленно, очень бы удивились, увидав, как мало в просвещенных кругах богатство определяет степень уважения к человеку.

Все эти признаки, конечно, пока еще очень слабы. В этом отношении в области морали дело обстоит так же, как в политике. Прогресс совершается первоначально так медленно, что в большинстве случаев он вообще остается незаметным для человечества; его можно правильно оценить только при наблюдении и сравнении явлений на протяжении значительного отрезка времени. По истечении некоторого периода картина становится более ясной, а успехи кажутся более быстрыми и решительными. Пока богатство означало все, естественно, что люди стремились достичь его, хотя бы ценой своей репутации и честности. Абсолютная и всеобщая истина не проявила себя еще так решительно и не выразилась ничем, что может восхитить глаз или доставить удовольствие чувствам. По мере уничтожения привилегий, связанных с социальными рангами и монополиями, значение всех излишних благ неизбежно начнет уменьшаться. По мере укрепления республиканства, людей начнут ценить за то, что они собою представляют, а не за то, что было ими получено при помощи силы и что силой же может быть отнято.

Остановимся на минуту, чтобы обсудить последствия такого постепенного переворота в мыслях. Одним из самых ранних результатов будет уменьшение своекорыстия при торговле, вследствие чего накопление богатств будет происходить не так часто и не в таких огромных размерах. Люди не будут склонны, как теперь, извлекать выгоду из чужой беды и требовать такой выгоды за свою помощь, которая соответствует не ее ценности, а лишь потребности в ней данного лица. Они будут думать не о том, сколько они могут извлечь выгоды, но о том, сколько можно с благоразумием потребовать. Владелец торгового дела, пользующийся наемным трудом, будет склонен вознаграждать его более щедро, в то время как сейчас он исходит главным образом из того безразличного обстоятельства, что он предоставил капитал. Щедрость нанимателя завершит в сознании рабочего то дело, которое будет начато его представлениями о политической справедливости. Он перестанет растрачивать маленькие избытки, остающиеся от его заработков, на пустое мотовство, что является сейчас основной причиной, по которой он оказывается в полной зависимости от усмотрения хозяина. Он освободится от нерешительности, связанной с рабством, и от оков отчаяния; он поймет, что независимость и достаток едва ли менее достижимы для него, чем для всякого другого члена общества. Это составит естественный шаг вперед к дальнейшему прогрессу, когда рабочий будет получать полностью то, что взимается с потребителя, без того, чтобы посредник, этот праздный и бесполезный монополист, как тогда все поймут, богател на похищенном достоянии рабочего.

Те же чувства, которые обусловят отсутствие алчности при заключении торговых сделок, вызовут щедрость при распределении. Торговец, не желающий богатеть за счет своего клиента или рабочего, откажется также от богатства, достигаемого путем такой же несправедливости, и уделит бедному соседу необходимые ему продукты. Привычка довольствоваться малой прибылью, создаваемая в предшествующем случае, тесно связана с привычкой удовлетворяться малым накоплением богатства. Человек, не стремящийся увеличить свои накопления, не будет противодействовать такому распределению, которое благодаря своему человеколюбивому характеру будет препятствовать росту богатства. Некогда богатство было почти единственной целью людей с грубым и непросвещенным умом. В дальнейшем внимание людей будет распределяться между различными целями, как любовь к свободе, любовь к равенству, приверженность к искусству и жажда знаний. Стремление к этим целям не будет предоставлено, как сейчас, только немногим, но постепенно станет доступно всем. Любовь к свободе, очевидно, влечет за собой любовь к человеку: чувство доброжелательности расширится, а эгоистические стремления ослабнут. Всеобщее распространение истины вызовет общее совершенствование, и люди с каждым днем начнут приближаться к таким взглядам, которые помогут им ценить всякую вещь в соответствии с ее настоящей ценностью. К этому надо присовокупить, что интересующий нас прогресс будет всеобщим, а не индивидуальным. Этот прогресс будет прогрессом для всех. Каждый человек будет чувствовать, что его взгляды на справедливость и честность разделяются, поддерживаются и подкрепляются его соседями. Отступничество будет вряд ли возможно, потому что отступник не только вынужден будет осудить сам себя, но встретит также осуждение других.

В связи с этими рассуждениями надо сделать одно замечание. «Если неизбежный ход совершенствования незаметно сам ведет к уравнению собственности, то зачем надо было предлагать его как специальную задачу, поставленную перед людьми?» Ответить на это возражение нетрудно. Обсуждаемое совершенствование сводится к знанию истины. Но наше знание останется несовершенным до тех пор, пока эта великая часть всеобщей истины не будет действительно признана таковой. Всякая истина полезна; может ли эта истина, вероятно более существенная, чем всякая другая, не принести пользы? Какова бы ни была цель, самопроизвольно преследуемая разумом, для нас очень важно иметь ясное о ней представление. Наше продвижение к ней благодаря этому ускорится. Хорошо известно то правило нравственности, согласно которому человек, желающий достичь совершенства, хотя никогда своей цели не достигнет, но сделает гораздо большие успехи, чем человек, довольствующийся стремлением к несовершенному.

Вполне очевидны преимущества, которые можно попутно получить, если оценивать равенство как одну из великих целей, стоящих перед нами. Такие взгляды очень помогут нам стать бескорыстными уже сейчас. Они научат нас относиться с пренебрежением к меркантильным расчетам, торговому преуспеянию и к заботам о прибылях. Они дадут нам правильное представление о возможностях человека и о том, в чем заключается его истинное совершенство; они направят наше честолюбие и активность на достойные цели. Разум не может сам достичь великих и славных целей, хотя бы по своей природе он и стремился к ним, если он не поймет их предвестников; поэтому можно думать, что чем раньше появятся эти предвестники, чем они будут яснее, тем благоприятнее будет ход событий.

Приложения

1. Влияние политических учреждений, поясненное примерами

Грабеж и мошенничество, два больших преступления, совершаемых в обществе, проистекают из: 1) крайней бедности, 2) тщеславия богатых, 3) их тирании. Эти преступления стали постоянными благодаря: 1) законодательству, 2) способу применения закона, 3) неравенству условий.

Влияние политических учреждений станет более очевидным, если мы изучим историю самых важных пороков, существующих в настоящее время в обществе, и если удастся доказать, что их устойчивость связана с политическим строем.

Два величайших злоупотребления, связанных с внутренней политикой народов, господствующих теперь в мире, заключаются, как мы считаем, в неправильном способе перехода собственности, как первоначально посредством насилия, так и вторично путем обмана. Если бы среди жителей какой-либо страны не существовало людей, желающих завладеть чужим имуществом, или если бы это желание не было так горячо и неутомимо, чтобы побуждать их к приобретению этого имущества способами, несовместимыми с порядком и справедливостью, то несомненно, что в этой стране преступления были бы известны только понаслышке. Если бы каждый человек мог с легкостью приобретать все необходимое для жизни и, приобретая, не испытывать тягостного стремления к излишества, то искушение утратило бы свою силу. Частные интересы хорошо согласовались бы с общественным благом; гражданское общество приобрело бы все то, чем поэзия наделяет золотой век^{47}. Исследуем начало, которому эти недостатки обязаны своим происхождением, и меры, которые помогут ослабить их или устранить.

Прежде всего надо заметить, что в самых культурных европейских государствах неравенство в распределении собственности достигло угрожающего размера. Большое число их жителей лишено почти всего того, что делает жизнь сносной или обеспеченной. Их величайшего трудолюбия едва ли достаточно для поддержания существования. Женщины и дети ложатся непереносимым бременем на труд мужчин, так что выражение «большая семья» стало в низшем слое общества равнозначно величайшей бедности и горю. Если к этому бремени прибавляется еще болезнь или какие-нибудь несчастные случаи, которые всегда возможны в деятельной и трудовой жизни, то нужда еще возрастает.

Существует представление, что в Англии меньше бедности и нужды, чем в большинстве европейских государств. В Англии налог для бедных^{48} достигает суммы в два миллиона фунтов стерлингов в год. Было вычислено, что на каждые семь человек среди ее жителей один получает в какой-то период своей жизни помощь за счет этого фонда. Но это

соотношение еще значительно возрастет, если мы учтем людей, которые из гордости или же духа независимости, или за отсутствием юридического адреса не получают такой помощи, хотя и испытывают равную нищету.

Я не придаю значения точности этого расчета; факт сам по себе достаточен для того, чтобы дать нам представление о размере нужды. Вытекающие из нее беды не могут быть оспорены. Постоянная борьба со злом, проистекающим из бедности, не давая часто никаких результатов, естественно, приводит многих страдальцев к отчаянию. Тягостное ощущение своего бедственного положения само по себе лишает их способности преодолевать зло. Преимущества богатых, немилосердно используемые ими, естественно, приводят к возмездию; бедного человека доводят до того, что он начинает считать теперешнее состояние общества состоянием войны, несправедливой системой, созданной не для защиты всех людей в их правах и для обеспечения за ними средств к существованию, а для расширения преимуществ, предоставляемых немногим благоприятствуемым лицам, в то время как всем остальным предназначена нужда, зависимость и горе.

Другим источником разрушительных страстей, нарушающих мирное существование общества, являются роскошь, пышность и великолепие, которые обычно сопровождают накопление колоссальных богатств. Человек способен бодро встречать значительные лишения, когда он разделяет их с остальным обществом и когда его не оскорбляет зрелище беспечности и достатка других людей, никоим образом не заслуживающих таких преимуществ в большей степени, чем он сам. Но тяжкие страдания людей еще возрастают, когда они вынуждены наблюдать чужие преимущества и, мучаясь от необходимости постоянно и тщетно стремиться к обеспечению себе и своим семьям самых жалких условий жизни, видят, как другие наслаждаются плодами чужого труда. При политическом устройстве, существующем в настоящее время, они неизменно несут это бремя. Существует обширный класс людей, которые, будучи богатыми, лишены как блестящих дарований, так и возвышенных достоинств; как бы высоко люди этого класса ни оценивали свое собственное воспитание, свойственную им деликатность, отличный лоск и изысканность своих манер, они все же втайне сознают, что не обладают никакими качествами, дающими им право на такие преимущества и основания для соблюдения дистанции между ними и низшими слоями, кроме пышности их экипажей, блеска обстановки и роскоши в их развлечениях. Бедного человека поражает такое показное богатство, он начинает остро ощущать свои невзгоды, ибо знает, как неутомимо он стремится получить свою небольшую долю в этом богатстве, и он приучается считать богатство счастьем. Бедняк не может поверить, что богатая одежда нередко прикрывает страдающее сердце.

Третий порок богатства, легко вызывающий недовольство бедных, заключается в дерзости богатых и в присвоении ими чужих прав. Если бы бедный человек проникся философским спокойствием, примирился во всех отношениях со своей судьбою, уверившись, что он не менее своего богатого соседа обладает всем необходимым для истинно достойного человеческого существования, то он стал бы считать все прочее не заслуживающим зависти. Кажется, что богатый не может удовлетвориться своими богатствами, если зрелище их не раздражает других; благородное чувство собственного достоинства, которое могло бы обделенному доставить спокойствие, становится средством раздражения его путем угнетения и несправедливостей. Во многих странах открыто признается, что

справедливости можно добиться посредством протекции, поэтому человек высокого положения, имеющий блестящие связи, почти безошибочно выигрывает дело против человека, не имеющего протекции и друзей. В тех странах, где подобной постыдной практики не существует, правосудие часто становится предметом дорогостоящей купли, и человек с толстым кошельком, как это там общеизвестно, одерживает победу. Естественно, что, зная эти факты, богатые перестают опасаться нарушить права бедных в своих делах с ними и исполняются духа властного, диктаторского и тиранического. Однако такое косвенное угнетение перестает удовлетворять их деспотические склонности. Во всех подобных странах богатые прямо или косвенно оказываются обладателями законодательной власти в государстве; естественно, что они постепенно превращают угнетение, в систему и лишают бедных тех немногих, так сказать, природных прав, которыми иначе они продолжали бы пользоваться.

Взгляды отдельных людей, а, следовательно, и их желания, потому что желание — это не что иное, как взгляд, созревший для превращения в действие, всегда будут в значительной степени регулироваться взглядами всего общества. Но нравы, господствующие во многих странах, как будто бы точно рассчитаны для того, чтобы внушать убеждение, будто честность, порядочность, разумность и усердие являются ничем, а богатство — это все. Разве может человек, внешность которого свидетельствует о нужде, рассчитывать на хороший прием в обществе, особенно в обществе людей, диктующих свою волю остальным? Представим себе, что он почувствует необходимость в их содействии и доброжелательстве. Ему немедленно покажут, что никакие достоинства не могут возместить скромную внешность. Урок, внушаемый ему, гласит: иди домой, обогатись любым способом, приобрети предметы роскоши, считающиеся достойными уважения, и тогда ты можешь быть уверенным в дружеском приеме. В соответствии с этим, бедность в таких странах считается величайшим пороком. Ее стремятся избегнуть с рвением, не позволяющим совести быть слишком разборчивой. Ее скрывают как самый неоспоримый порок. В то время как один человек выбирает путь ничем не ограниченного накопления, другой предается расточительности, которая должна внушить обществу преувеличенное представление о его богатстве. Он спешит сделать реальной ту бедность, проявлений которой он так боится, и вместе со своим имуществом жертвует своей честностью, правдивостью и репутацией, хотя они-то и могли бы утешить его в обрушившейся на него напасти. Таковы причины, которые в разной степени при разных правительствах, существующих в мире, побуждают людей явно или тайно посягать на чужую собственность. Посмотрим, позволяет ли политический строй уменьшить их воздействие или способствует их усилению и притом насколько.

Все, что имеет тенденцию сокращать бедствия, связанные с бедностью, сокращает в то же время бессмысленные желания и огромное накопление богатств. К богатству не стремятся ради него самого и редко добиваются его ради чувственных удовольствий, им доставаемых. Его домогаются по той же причине, по которой обычно способные люди стремятся получить знания, умение и опытность, т. е. из любви к почету и из страха перед пренебрежением. Как мало людей ценило бы обладание богатством, если бы они были обречены пользоваться своими экипажами, дворцами и увеселениями в одиночестве, так что никакой чужой глаз не восхищался бы их великолепием и ни один жалкий наблюдатель не направил бы весь свой восторг на лесть собственнику. Если бы не считалось, что преклонение представляет исключительную привилегию богатства, а пренебрежение — неизменного спутника

бедности, то стремление к выгодам перестало бы составлять всеобщую страсть. Посмотрим, каким образом политический строй способствует этой страсти.

Прежде всего, почти во всех странах законодательство явно потворствует богатым против бедных. Таковы законы, касающиеся охоты{49}; они запрещают трудолюбивому селянину убивать животных, которые уничтожают все его расчеты на сбор будущих средств пропитания, и они же мешают ему снабдить себя пищей, помимо его воли появляющейся на его пути. Таков же дух последних законов о доходе во Франции{50}, которые в некоторых своих предписаниях ложатся всей своей тяжестью исключительно на людей скромных и трудовых и изымают из сферы своего воздействия тех, кто легче всего мог бы выдержать их бремя. Так же точно в настоящий момент в Англии поземельный налог{51} дает на полмиллиона меньше, чем век тому назад, в то время как налоги на потребление подверглись росту на тринадцать миллионов в год за тот же самый период. Это представляет собой попытку, независимо от того насколько она успешна, перенести налоговое бремя с богатого на бедного и в качестве таковой характеризует дух законодательства. Исходя из того же принципа, грабеж и другие преступления, которые богатая часть общества не испытывает искушений совершать, рассматриваются как тягчайшие и караются очень строго, подчас даже нечеловечно. Богатых поощряют в их объединениях, предназначенных для осуществления самых пристрастных и притеснительных законов. Право на монополии и патенты широко раздаются тем, кто может заплатить за них. В то же время с величайшей бдительностью предупреждаются объединения бедных с целью установления платы за труд, и они лишаются возможности осторожно и разумно выбирать поле деятельности. Во-вторых, судебная практика не менее несправедлива, чем принцип, положенный в основу законов.

При последнем французском правительстве должность судьи представляла предмет купли, отчасти в виде открытой уплаты соответствующей цены короне, частью же в виде тайной взятки, даваемой министру. Тот, кто хорошо знал рынок, где происходил розничный торг правосудием, мог позволить себе дать наивысшую цену при покупке добрых его услуг. Для клиента правосудие открыто стало предметом личных домогательств, так что влиятельный друг, красивая женщина или соответствующий подарок имели несравненно большее значение, чем правота дела. В Англии, поскольку вопрос идет о самом судоговорении, уголовный закон применяется с достаточной степенью беспристрастия; но и здесь число преступлений, караемых смертью, и вследствие этого частые случаи помилования открывают большие возможности для протекции и злоупотреблений. В делах, относящихся к собственности, судебная практика привела к такому положению, что правосудие оказывается недостижимым. Затягивание дел в суде лорда-канцлера, многочисленные апелляции от суда к суду, огромные вознаграждения адвокатам, стряпчим, секретарям, клеркам, стоимость составления выдержек из дела, исковых заявлений, возражений и ответов, совместно с тем, что порой называлось великолепной неопределенностью закона, заставляют считать более разумным отказ от собственности, чем спор за нее, и во всяком случае лишают обедневшего истца самой слабой надежды на восстановление в правах. Целесообразнее всего было бы обеспечить за всеми видами судебного спора дешевизну и быстроту решений, что совместно с независимостью судей и немногочисленными, явно необходимыми изменениями в способах составления коллегий присяжных обеспечило бы правильное применение общих норм закона ко всем отдельным людям, невзирая на их

состояние и положение.

В-третьих, неравенство состояний, обычно поддерживаемое политическим строем, в значительной степени способствует сохранению ложного представления о превосходстве богатых. В древних восточных монархиях, как и в Турции до настоящего времени, высокое положение всегда вызывало безотчетное почтение. Робкие жители трепетали перед высшими по положению; они сочли бы почти кощунственной попытку приподнять покрывало, накинутое властным сатрапом на его бесславное происхождение. Те же начала преобладали при феодальной системе. Вассал, который рассматривался как род живого инвентаря в поместьях и не мог оспаривать произвольные решения своего лорда, едва ли дерзнул бы заподозрить, что сам принадлежит к одной с ним породе. Это создало противоестественное и насильственно сохраняемое положение. Но человек имеет склонность заглядывать глубже поверхности вещей и исследовать причины успеха выскочек и удачников. В Англии в теперешнее время мало найдется бедняков, которые не утешались бы своим правом порицать людей, поднявшихся над ними. Новоиспеченный джентльмен ни в коем случае не чувствует себя защищенным от меткого и острого сарказма бедняков. Такую склонность людей можно легко поощрить и направить на самые благотворные цели. Как известно из истории некоторых стран, каждому человеку можно внушить сознание его принадлежности к общему гражданству и заставить его почувствовать себя деятельным и полезным членом целого. Тогда бедняк поймет, что, даже отстранив его, нельзя его раздавить, и перестанет испытывать яростные чувства зависти обиды и отчаяния.

Книга I, глава V.

2. Общество и правительство

Сущность исследования.— Способ проведения его.— Различие между обществом и правительством.

Локк начинает свой знаменитый «Трактат о правительстве»^{52} с отрицания патриархальной системы Роберта Фильмера^{53}; расчистив себе таким путем почву, он переходит к утверждению, что «тот, кто не желает признать мысль, что все правительства в мире являются следствием принуждения и насилия и что совместная жизнь людей управляется теми же законами, как у зверей, — должен по необходимости установить другую причину возникновения правительств и появления политической власти»^[21]. В соответствии с этим он большую часть своего трактата посвящает отвлеченному рассуждению о предполагаемой им ранней истории человечества и приходит к заключению, что ни одно законное правительство не могло быть создано на иной первоначальной основе, кроме договора.

[21] Кн. II, гл. i, § 1.

Можно подозревать, что этот великий человек, друг свободы и защитник интересов человечества, непреклонный и прозорливый в своих поисках истины, совершил оплошность при первых же шагах в своем исследовании.

Есть два способа, которыми можно исследовать причины возникновения общества и правительства. Мы можем либо рассматривать их с исторической точки зрения, т. е. изучать, каким способом они возникли или должны были возникнуть, как это делает Локк; или же изучать их философски, т. е. исследовать те нравственные начала, на которых они основаны. Первая проблема не лишена значения, но вторая имеет более высокий смысл и более существенное содержание. Первая представляет вопрос формы, вторая дает самую сущность. С практической точки зрения не имело бы большого значения, из какого источника возникла та или иная форма общества и каким способом заложенные в ней начала стали действовать, если бы мы всегда могли быть уверены в их соответствии требованиям истины и справедливости.

Прежде чем приступить к своей задаче, надо тщательно установить различие между обществом и правительством. Первоначально люди объединились в целях взаимного содействия. Они не могли предвидеть, что потребуются какие-либо меры принуждения для регулирования поведения отдельных членов общества в отношении друг к другу или ко всему в целом.

Необходимость принуждения возникла из ошибок и испорченности немногих. Один проницательный писатель очень удачно выразил эту мысль. «Общество и правительство, — говорит он — различны сами по себе и имеют разное происхождение. Общество возникло из наших потребностей, а правительство—из нашей безнравственности. Общество всегда благо, правительство же даже в лучшем своем виде — неизбежное зло»[22].

[22] «Здравый смысл»{54}.

Книга II, глава I. Введение.

3. О равенстве человеческого рода

Физическое равенство.— Возражение.— Ответы.— Моральное равенство.— Его ограничение.— Область политической справедливости.

Люди равны не только физически и не только морально. Их физическое равенство может быть рассматриваемо с точки зрения их телесной силы или умственных способностей. Это утверждение подвергалось нападкам и возражениям. Говорилось, «что из нашего опыта вытекает отрицание такого равенства. Среди индивидуумов нашего рода мы фактически не можем найти двух одинаковых. Один человек силен, а другой слаб. Один человек умен, а другой глуп. Все существующее в мире неравенство условий должно быть возведено к указанному, как к своему источнику. Сильный человек обладает возможностью подчинять себе, а слабый испытывает потребность в союзнике для своей защиты. Отсюда неизбежный вывод: равенство условий — это химерическое предположение, которое не может быть практически осуществлено, а если бы его и возможно было осуществить, это было бы нежелательно».

В ответ на это утверждение надо сделать два замечания. Во-первых, это неравенство было первоначально гораздо меньшим, чем теперь. Когда люди были нецивилизованны, то не

существовало болезней, изнеженности и роскоши, и в итоге каждый человек гораздо меньше отличался по силе от своего соседа, чем теперь. Когда люди были нецивилизованны, их разум был ограничен, их потребности, мысли и взгляды оставались почти одинаковыми. Надо было ожидать, что при первом их отходе от такого состояния возникнут сами по себе большие неправильности; возросшая мудрость и совершенствование должны преследовать задачу их уничтожения.

Во-вторых, несмотря на происшедшее нарушение равенства людей, все же продолжает существовать большое и существенное равенство. Среди людей не имеется такого разрыва, который позволял бы одному человеку держать в подчинении несколько других людей, кроме случая, когда они сами согласны на это. Всякое правительство опирается на общественное мнение. Люди сейчас живут при определенной форме управления, потому что они считают ее соответствующей своим интересам. Конечно, какая-нибудь часть общества или государства может быть подавлена силой, но это не личная сила деспота; это должна быть сила другой части общества, считающей, что в своих интересах ей следует поддерживать его власть. Разрушите это общественное мнение, и все здание, сооруженное на его основе, распадется. Из этого следует, что люди по существу независимы. Все сказанное относится к физическому равенству.

Моральное равенство с разумной точки зрения еще менее подвержено ограничениям. Под моральным равенством я понимаю принцип применения единого неизменного правила справедливости ко всем могущим возникнуть случаям. Этот принцип не может подлежать сомнению, если не прибегать к доводам, ниспровергающим самую сущность добродетели. Утверждают, что «равенство будет невразумительной фикцией до тех пор, пока способности людей остаются различны и предъявляемые ими притязания лишены гарантий или санкций, с помощью которых их можно было бы осуществить»[23]. Но бесспорно, что принцип справедливости сам по себе совершенно вразумителен, независимо от того, осуществлен ли он или нет на практике. Начала справедливости относятся к существам, наделенным умением познавать и способным испытывать удовольствие и страдание. Из самой природы этих существ, независимо от насильственного государственного устройства, непосредственно вытекает, что удовольствия им приятны, а страдания ненавистны, удовольствие желательно, а страдание нужно избегать. Поэтому будет справедливо и разумно, чтобы эти существа содействовали, поскольку это в их силах, взаимному удовольствию и пользе. Некоторые из удовольствий более высокого рода, чем другие, более чисты и надежны. Правильно было бы их предпочитать.

[23] «Говорят, что мы все имеем одинаковые права. Я не понимаю, что такое одинаковые права, раз существует неравенство дарований или силы и не существует никакой гарантии, никакой санкции». *Рейналь*. Американская революция{55}.

Из этих простых начал можно вывести утверждение о моральном равенстве людей. Мы все обладаем одинаковой природой, и те обстоятельства, которые содействуют пользе одного человека, содействуют пользе другого. Наши чувства и способности одинаковы. Поэтому удовольствия и страдания должны быть одни и те же у всех. Мы все наделены разумом, мы способны сравнивать, судить и делать выводы. Поэтому усовершенствования, желанные для одного, желанны и для другого. Мы сумеем быть предусмотрительными в отношении самих

себя и стать полезными друг другу в той степени, в какой подыдемся над духом предрассудков. Та независимость, та свобода от всякого принуждения, которое могло бы помешать нам дать волю собственному разумению или высказывать во всех случаях то, что мы считаем правильным, приведет к совершенствованию всех людей. Имеются известные возможности и известные положения, наиболее благоприятные для всех человеческих существ, которыми по справедливости надо дать воспользоваться всем, во всяком случае в той мере, в какой это допускается общими условиями.

Существует действительно один вид морального неравенства, соответствующий физическому неравенству, только что описанному. Люди имеют право на такое отношение к себе, которое определяется их заслугами и их добродетелями. Страна, где к благодетелю людей стали бы относиться так же, как к их врагу, не могла бы стать вместилищем мудрости и разума. Но, в сущности, это различие, отнюдь не находящееся в противоречии с равенством в каком бы то ни было смысле, только благоприятствует ему и в соответствии с этим известно под названием справедливости, причем это слово имеет общее происхождение со словом равенство[24]. Хотя в каком-то смысле описанное условие составляет отклонение от равенства, но оно преследует ту же цель, что и принцип равенства, — цель, составляющую все достоинство этого принципа. Это отклонение лишь вложит в душу каждого стремление к соревнованию в совершенствовании. Надо только стремиться к тому, чтобы были устранены как можно полнее все произвольные различия между людьми с тем, чтобы поле деятельности было беспрепятственно предоставлено дарованиям и добродетелям. Мы должны стремиться к тому, чтобы всем открыть одинаковые возможности, и оказывать всем равное содействие, отдавая должное общему интересу и признавая решения наилучших.

[24] Equality и equity — равенство и справедливость по по-английски.— *Прим. переводчика.*

Книга II, глава IV.

4. О революции

Обязанность поддерживать конституцию нашей страны должна быть обусловлена либо соображениями разума, либо же личными чувствами и местными привязанностями.—

Рассмотрение первых и вторых.

Не существует более важного вопроса, чем лучший способ совершения революций. Но прежде чем приступить к нему, надлежит устранить одну трудность, которая приходит на ум некоторым людям, — именно, в какой степени, вообще говоря, нам следует сочувствовать революции, или, иными словами, оправдано ли враждебное отношение человека к конституции его страны.

Говорят, что «мы живем под охраной этой конституции, а так как такая охрана представляет благо, то она обязывает нас ко взаимности в виде ее поддержки».

На это можно, во-первых, ответить, что такая охрана представляет собой нечто весьма двусмысленное; до тех пор пока не будет доказано, что те пороки, от воздействия которых

она нас защищает, не вызваны по большей части самой этой конституцией, мы не сумеем должным образом постигнуть сумму обеспечиваемых ею благ.

Во-вторых, благодарность является пороком, а не добродетелью. Все люди и все объединения людей должны встречать с нашей стороны такое отношение, которое вытекает из их истинных качеств и достоинств, а не из правил, связанных с их отношением к нам самим.

В-третьих, прибавьте к этому, что нет мотивов более двусмысленных, чем рекомендуемая здесь благодарность. Благодарность в отношении конституции, представляющей собой отвлеченную идею и имеющей воображаемое существование, вообще непостижима. Любовь к своим соотечественникам будет гораздо более убедительно доказана мною стараниями принести им существенную пользу, чем поддержкой системы, которая, по моему мнению, влечет за собой гибельные последствия.

Человек, призывающий меня поддерживать эту конституцию, должен обосновать свой призыв одним из двух принципов. Она может претендовать на мою поддержку, либо потому, что она хороша, либо же потому, что она английская. В первом случае против такого требования ничего нельзя возразить. Следует лишь доказать наличие хороших качеств, приписываемых ей. Но можно сделать и такое возражение, «что хотя она не абсолютно хороша, но попытки ниспровергнуть ее поведут к большему злу, чем сохранение ее при ее двойственном характере, составленном из смеси хорошего с дурным». Если бы это было доказано, то мне, бесспорно, оставалось бы только уступить. Однако об этом зле я мог бы судить лишь после его изучения. Одним злом, связанное с революцией, может казаться большим, другим — меньшим. Одни считают, что пороки, которыми чревата английская конституция, велики, другие же думают, что она почти безвредна. Прежде чем сделать выбор между этими двумя противоположными мнениями и взвесить существующее и возможное зло, мне надлежит самому изучить этот вопрос. Но такое изучение по своему характеру ведет к неопределенным результатам. Если бы я вынес решение прежде, чем установил, в пользу какой стороны оно должно выпасть, то это бы значило, что в точном смысле слова я вообще не произвел расследования.

Человека, желающего революцию ради нее самой, надо считать сумасшедшим. Но тот, кто желает ее из глубокого убеждения в ее полезности и необходимости, имеет право претендовать на наше признание и уважение.

Что касается требования поддерживать английскую конституцию потому только, что она английская, то в таком доводе мало убедительности. Оно подобно предъявляемому ко мне требованию быть христианином, потому что я британец, или быть мусульманином, потому что я родился в Турции. Вместо свидетельства уважения, оно служит знаком презрения ко всякому правительству, к религии и добродетели, и ко всему тому, что считается священным у людей. Если вообще существует то, что называется истиной, то она должна быть лучше заблуждения. Если вообще существует то, что называется разумом, то им надо пользоваться. Но приведенное требование делает истину совершенно излишней и мешает нам пользоваться нашим разумом. Если люди рассуждают и думают, то обязательно должно случиться, что либо англичанин либо турок сочтет свое правительство отвратительным, а

свою религию ложной. Для чего нужен разум, если надо скрывать те выводы, к которым он нас приводит? Каким путем могли бы люди достичь до теперешних своих достижений, если бы они всегда удовлетворялись тем состоянием общества, при котором им случилось родиться? Одним словом, либо разум представляет проклятие нашего рода и человеческая натура должна вызывать ужас, либо же нам надлежит пользоваться своим рассудком, действовать в соответствии с ним и следовать истине, куда бы она нас ни привела. Она не может привести нас ко злу, так как полезность, поскольку дело касается мыслящих существ, представляет единственную основу для моральной и политической правды.

Книга IV, глава II, раздел 1.

5. Демократия и путь к совершенствованию

Нельзя измыслить такую форму правления, которая не имела бы свойств монархии, аристократии или демократии. Невозможно представить себе более тяжелые или более устойчивые бедствия для человечества, чем вызываемые первыми двумя формами правления. Нельзя вообразить такие несправедливости, падения и пороки, которые превзошли бы прямые и неизбежные последствия принципов, лежащих в основе монархии и аристократии. Если бы, конечно, существовали какие-нибудь основания, чтобы поставить демократию на один уровень с такими чудовищными формами правления, как монархия и аристократия, которые чужды как честности, так и разумности, то наши надежды на будущее счастье человечества были бы плачевными.

Но это не так. Предположим, что мы вынуждены будем установить демократию со всеми связанными с ней недостатками, причем не будет найдено никаких средств для их устранения; но даже при этом условии демократия много более желательна, чем господство других форм.

Возьмем, например, Афины со всеми их волнениями и беспорядками, вспомним угодную народу и умеренную узурпацию власти со стороны Пизистрата{56}, и Перикла{57}, чудовищный остракизм{58}, который приучил их с самой низкой несправедливостью периодически изгонять выдающихся граждан без всякого обвинения, заключение в тюрьму Миль-тиада{59}, изгнание Аристида{60} и убийство Фокиона{61}, и все же, при всех этих ошибках, совершенных ими, Афины бесспорно дают более замечательную и достойную зависти картину, чем все когда-либо существовавшие монархии и аристократии. Разве сможет кто-нибудь отрицать их любовь к добродетелям и независимости только потому, что ее сопровождали некоторые ошибки? Разве сможет кто-нибудь безоговорочно осудить проницательный ум афинян, их живое понимание и сильные чувства только потому, что порой они были несдержанны и порывисты? Разве можно сравнивать народ, имевший такие большие достижения, народ изумительно утонченный, народ веселый без чрезмерности и блестящий без невоздержанности, народ, среди которого выросли величайшие поэты, благороднейшие художники, совершеннейшие ораторы и политические писатели и самые беспристрастные философы из всех, когда-либо живших в мире, разве можно сравнивать это избранное местопребывание чувств патриотизма и независимости и благородных доблестей с тупыми и себялюбивыми монархическими и аристократическими государствами? Не всякий покой — счастье. Лучше немного волнений и беспокойства, чем

застой, чуждый доблести.

Обычно при оценке демократии совершают одну очевидную ошибку, которая заключается в том, что человечество принимают таким, каким его сделали монархия и аристократия, и из этого исходят при суждении об его способности самому законодательствовать. Монархия и аристократия не были бы злом, если бы они не имели свойства подрывать добродетели и рассудительность своих подданных. Необходимо устранить всякую узду, которая мешает духу совершать естественный для него полет. Безмолвное повиновение, слепое подчинение власти, робкая боязливость, недоверие к своим силам, пренебрежение к собственному значению и добрым целям, которые мы способны достигнуть, — все это основные препятствия для совершенствования человека. Демократия восстанавливает у человека сознание своего значения, устраняя авторитеты и угнетение, учит его прислушиваться только к велениям разума, дает ему смелость для того, чтобы рассматривать всех остальных людей как сограждан, и побуждает его не считать их более врагами, против которых надо быть на страже, но братьями, которым надлежит помогать. Гражданин демократического государства, видя жалкий гнет и несправедливость, господствующие в странах вокруг, не может не испытывать невыразимой признательности за преимущества, которыми он пользуется, и, конечно, преисполнится твердой решимости сохранить их при всех обстоятельствах. Влияние демократии на мнения ее членов всецело негативно, но его последствия неисчислимы. Нельзя представить себе ничего более неразумного, чем суждение по современному человеку о том человеке, каким он будет впоследствии. Точное и строгое рассуждение заставило бы нас прежде всего удивиться, что в Афинах было так много несовершенства, вместо того чтобы поражаться, что Афины так многого достигли.

Путь к совершенствованию человеческого рода в высшей степени прост, он заключается в том, чтобы говорить правду и действовать правдиво. Если бы афиняне больше следовали этому правилу, то они не могли бы так явно заблуждаться. Говорить правду во всех случаях без всяких ограничений, отправлять правосудие без всякого пристрастия — это такие принципы, которые при своем неуклонном применении окажутся самыми плодотворными из всех возможных. Они просвещают разум, придают силу суждению и лишают клевету всякого правдоподобия и вероятности. Нет ничего более достоверного, чем всемогущество правды или, иными словами, чем связь между суждением и внешним поведением. Если наука окажется способной к постоянному совершенствованию, то и человек также окажется способным беспрерывно увеличивать свою практическую мудрость и справедливость. Признайте только способность человека к совершенствованию, и из этого неизбежно последует, что мы должны идти к такому состоянию, когда правда будет так хорошо известна, что ее нельзя будет исказить, а справедливость станет настолько обычной, что ей не захотят произвольно противодействовать. После серьезных размышлений мы не видим оснований думать, что это состояние так от нас отдалено, как первоначально нам это могло казаться. Заблуждения прежде всего обязаны своим постоянством социальным учреждениям. Если бы люди были предоставлены работе их собственного ума без попыток регулировать его при помощи каких бы то ни было общественных установлений, то в недалеком будущем человечество решилось бы внимать правде. Состязание между правдой и ложью само по себе слишком неравно, так что правда не нуждается в поддержке какого бы то ни было политического союзника. Чем больше будет она открываться, особенно в той своей части, которая относится к человеку в обществе, тем она станет казаться проще и

очевиднее; тогда покажется Невозможным объяснить как-нибудь иначе то обстоятельство, что она так долго оставалась скрытой, чем гибельным влиянием политического строя.

Книга V, глава XIV. Отрывок.

6. Будущее политических обществ

Количество необходимой администрации, которое должно быть сохранено.— Задачи администрации: национальная слава.— Соперничество народов.— Выводы: 1) нежелательность осложнения органов власти, 2) чрезмерная территория излишня, 3) принуждение и его пределы.— План устройства правительства: полиция и защита.

Мы попытались вывести некоторые общие принципы, касающиеся ряда вопросов, связанных с законодательной и исполнительной властью. Но остается одна очень важная тема, которую предстоит еще обсудить. Именно, в каких пределах интересы общества требуют сохранения обеих этих властей?

Мы уже видели, что единственной закономерной задачей политических учреждений является благо индивидуумов. Все то, что им не нужно, как национальное богатство, благосостояние и слава, приносит пользу только корыстным обманщикам, которые с самых ранних времен омрачали разум человечества для того, чтобы беспрепятственно погрузить его в унижение и бедствия.

Стремление расширить свою территорию, завоевать или держать в подчинении своих соседей, превзойти их в ремеслах или в военном деле основано на предрассудках и заблуждениях. Власть не составляет счастья. Спокойствие и мир желательнее, чем страх, внушаемый другим народам. Люди — братья. Мы объединяемся на определенной территории или в определенном климате, потому что такое объединение требуется для безопасности нашей внутренней жизни или для защиты себя от ничем не вызванного нападения со стороны общего врага. Но соперничество народов представляет продукт воображения. Если нашей целью служит обогащение, то ведь богатство может быть создано только торговлей; чем больше будет возможности у наших соседей покупать, тем больше мы сумеем продавать. Все люди заинтересованы в общем благосостоянии.

Чем лучше мы поймем свои собственные интересы, тем меньше мы будем склонны нарушать мир наших соседей. Тот же принцип применим и к ним. Поэтому нам надо желать, чтобы они были мудры. Но мудрость представляет плод равенства и независимости, а не оскорбления и угнетения. Если бы угнетение могло быть школой мудрости, то человечество достигло бы огромного совершенства, так как оно проходило эту школу в течение многих тысячелетий. Поэтому нам надо стремиться к тому, чтобы наши соседи были независимы. Мы должны желать, чтобы они были свободны; ведь войны возникают не из склонностей народов, свободных от пристрастий, а из интриг правительств и из стремлений, внушаемых ими народам. Если сосед вторгнется на нашу территорию, то мы должны только стремиться к изгнанию его, а для этого нам нет надобности превосходить его в доблести, поскольку на нашей собственной земле он будет находиться в более трудных условиях, чем мы, не говоря уже о том, что весьма неправдоподобно предположение, будто какой-нибудь народ может

подвергнуться нападению со стороны другого до тех пор, пока он соблюдает благоразумие, справедливость и умеренность.

Пока народы не доведены до состояния открытой вражды, их взаимная ревность представляет маловразумительную химеру. Я живу в определенном месте, потому что это место больше всего благоприятствует моему счастью или моей полезности. Я заинтересован в политической справедливости и в добродетели человеческого рода, потому что он состоит из людей, т. е. из существ, в высокой степени способных к справедливости и к добродетели; вероятно, я имею дополнительные основания интересоваться теми людьми, которые находятся под властью того же правительства, что и я сам, так как я лучше могу понять их стремления и более способен содействовать им. Но, конечно, у меня нет оснований причинять страдания другим народам, поскольку они сами не совершают определенных актов несправедливости. Цель здоровой политики и нравственности заключается в сближении людей, а не в разделении их, в сочетании их интересов, а не в противопоставлении их.

Общение между отдельными людьми никогда не может считаться слишком интенсивным или подлежащим ограничению; но человеческие общества не нуждаются в том, чтобы вступать во взаимные объяснения и согласования, кроме тех случаев, когда ошибки и насилия делают такие объяснения необходимыми. Это соображение позволяет сразу отбросить основные цели той таинственной и нечестной политики, которая до сих пор поглощает внимание правительств. Перед лицом этой истины должны исчезнуть офицеры армии и флота, послы и уполномоченные, целый ряд искусственных выдумок, созданных для того, чтобы держать в страхе другие народы, чтобы проникать в их тайны, противодействовать их махинациям, создавать союзы и контрсоюзы.

Расширению органов власти будет положен предел, а вместе с тем будет устранена возможность угнетения подданных и нарушения их воли.

Одновременно полностью устраняется другое постыдное заблуждение политической науки, относящееся к вопросу о количестве территории из расчета на душу населения, о чем поочередно спорили философы и моралисты. Они рассуждали о том, кто более способен обеспечить население площадью, монархия или демократическое правительство. При будущем усовершенствовании человечество, как надо ожидать, будет иметь одинаковые по форме правительства в разных странах, потому что люди обладают одинаковыми способностями и имеют одни и те же потребности; отдельные правительства будут распространять свою власть на небольшую территорию, потому что люди хорошо знают интересы своих соседей и могут лучше к ним приспособиться. Нельзя представить себе никаких доводов, в пользу того, чтобы предпочесть обширную территорию более ограниченной, за исключением соображения внешней безопасности.

Каковы бы ни были отрицательные стороны отвлеченной идеи власти, все они крайне обостряются при территориальном расширении ее юрисдикции и, напротив, смягчаются при обратном явлении. Честолюбие, которое в первом случае становится страшнее чумы, не имеет возможности проявить себя во втором случае. Народные смятения подобны волнам моря, которые при широком пространстве могут вызывать самые страшные последствия, но

оказываются кроткими и безвредными, когда они ограничены поверхностью маленького озера. Умеренность и справедливость являются очевидными свойствами ограниченного круга.

Конечно, можно возразить, «что таланты представляют порождение больших страстей и что среди спокойной посредственности незначительной республики силы интеллекта будут обречены на бездействие». Если бы это возражение было основательно, то оно нуждалось бы в самом серьезном рассмотрении. Но надо принять во внимание, что при выставленной здесь гипотезе все человечество составит в некотором роде одну великую республику, и поэтому перспективы людей, которые захотят благотворно воздействовать на все широкое общественное мнение, окажутся как нельзя более благоприятными. В течение того периода, когда новые условия будут создаваться, но еще не достигнут своего завершения, несправедливость, наблюдаемая у наших соседей, представит дополнительный стимул для наших усилий[25].

[25] Указанное возражение будет подробно обсуждено в восьмой книге настоящей работы.

Честолюбие и смуты составляют зло, возникающее как косвенный результат деятельности правительства; это зло является следствием привычек и внушается правительством, его материальным воздействием, простирающимся на множество людей. Имеются и другие беды, неотделимые от существования власти. Задача правительства заключается в подавлении насилия как внешнего, так и внутреннего. Это насилие могло бы разрушить или подвергнуть опасности благополучие общества или его членов; средство, к которому правительство прибегает, также заключается в насилии, но носящем более регулируемый характер. Для этого возникает надобность в концентрации индивидуальной силы, и обычно такая концентрация достигается при помощи принуждения. Зло, создаваемое принуждением, было рассмотрено уже прежде[26]. Принуждение, применяемое в отношении преступников или лиц которым приписываются преступления, ни в коем случае не может обойтись без вредных последствий. Принуждение, применяемое большинством общества в отношении его меньшинства, которое расходится с ним в некоторых вопросах общественного блага, очевидно ведет к возбуждению еще большего разномыслия.

[26] Кн. II, гл. VI{62}.

Оба эти явления проистекают из одного общего начала. Несомненно, что преступление представляет не что иное, как ошибку суждения, и потому не может быть оправдана попытка исправить его с помощью силы, кроме случаев крайней необходимости. Заблуждение меньшинства подходит как раз к только что описанному случаю, хотя его заблуждение может и не быть столь значительным. Тем более необходимость в принуждении редко может быть настоящей. Если бы, например, мысль об отколе меньшинства была несколько более привычна мышлению людей, то редко отложение такого меньшинства могло бы вызвать сколько-нибудь сравнимые по вреду последствия с тем злом, которое создается преступным нарушением самых основных принципов общественной справедливости. Описанные явления подобны случаям оборонительной и наступательной войны. Применяя средства принуждения в отношении меньшинства, мы уступаем голосу подозрительности, нашептывающему нам, что враждебная сторона может впоследствии

причинить нам в чем-то вред, так что мы стремимся предупредить такую возможность. Прибегая к принуждению в отношении преступника, мы как бы изгоняем врага, вступившего на нашу территорию и отказывающегося покинуть ее.

Правительство может ставить перед собой только две законные задачи, именно: устранение несправедливости, совершенной в отношении отдельных лиц внутри общества, и общая защита всех против вторжения извне. Первая из этих задач, сама по себе требующая постоянного нашего внимания, в достаточной степени разрешается объединением людей в таком масштабе, который позволил бы учредить жюри присяжных для рассмотрения случаев нарушения прав отдельных лиц, состоящих в общине, и для разрешения могущих возникнуть вопросов и споров, относящихся к собственности. Конечно, правонарушителю будет нетрудно ускользнуть за узкие пределы такого юрисдикционного округа; поэтому надо, чтобы соседние общины или юрисдикционные округа с самого начала управлялись Подобным же образом или во всяком случае были бы согласны, независимо от своей формы правления, сотрудничать с нами в деле изъятия или исправления преступника, навыки которого одинаково опасны как для нас, так и для них. Но для этой цели нет надобности в каком-нибудь специальном договоре и тем более в каком-либо общем органе власти. Одинаковые начала справедливости и взаимная заинтересованность сумеют лучше связать людей, чем подписи и печати. Между тем вскоре исчезнет всякая надобность в преследовании преступника с целью его наказания, если только вообще она имеется. Побуждения к совершению преступлений станут редки, случаи их появления будут немногочисленны и строгость при преследовании их излишней. Главной целью наказания является обуздание опасных членов общества; отказ от такого наказания будет возмещен общим наблюдением членов небольшой общины за поведением друг друга, причем порицание, выносимое людьми, будет отличаться своей серьезностью и здравым смыслом, с устранением всякой таинственности и случайности. Ни один человек, в случае обнаружения его порочности, не сможет проявить такую ограниченность, чтобы отказать в признании осуждающего его общего решения, основанного на здравом суждении. Оно заставит его утратить самоуверенность или, что еще лучше, убедит его. Человек будет вынужден силой, не менее отразимой, чем кнут и цепи, исправить свое поведение.

В этом очерке дан в общих чертах план устройства политического управления. Споры между разными общинами в значительной степени окажутся невозможными, поскольку при возникновении какого-либо вопроса, например, о границах, принцип справедливости убедит нас в том, что человек, возделывающий какой-то участок земли, более всех других уполномочен выносить решение о том, к какой общине он желает принадлежать. Никакое сообщество людей, с тех пор как они признают начала разума, не может быть ни в какой степени заинтересовано в расширении своей территории. Если мы желаем вызвать чувство привязанности друг к другу среди членов нашего сообщества, то нет более верного средства, чем веления справедливости и умеренности; если бы они в каком-нибудь случае оказались недейственными, то это могло бы произойти только в отношении недостойного члена общины. Обязанность всякого общества наказывать правонарушителей вытекает не из подразумеваемого согласия правонарушителя подвергнуться наказанию, но из обязанности общества обеспечивать должную защиту.

Хотя предположение о спорах между общинами весьма неразумно при описанном состоянии общества, но они тем не менее возможны. Поэтому надо предусмотреть меры против таких необычайных случаев. Эти случаи по своей природе подобны иностранному вторжению. Им можно противодействовать только посредством соглашения между несколькими округами, провозглашающими и в случае надобности применяющими принципы справедливости.

Эти два случая — вражда между округами и иностранное вторжение, которое должно быть отражено соединенными усилиями всех во имя общих интересов — требуют особого замечания. Оно сводится к тому, что оба эти случая по самой своей природе носят характер временный, и поэтому меры, которые надлежит принять в отношении их, не должны быть в точном смысле слова постоянными. Иными словами, постоянное наличие национального собрания, как это до сего времени практикуется во Франции, не требуется в период спокойствия и даже может оказаться вредным.

Книга V, глава XXII.

7. Об управлении

Мы можем с достаточным основанием заключить, что национальные собрания, или, иными словами, собрания, имеющие двоякую задачу — улаживать споры между двумя округами и совещаться относительно наилучшего способа отражения нападений извне — как бы необходимо ни было в некоторых случаях обращение к ним, все же должны созываться настолько редко, насколько то допускает сущность дела. Они либо должны избираться лишь в чрезвычайных случаях, как диктаторы в древнем Риме, либо же заседать периодически, например, один день в году, с правом, однако, продолжать до известных пределов свои сессии для выслушивания жалоб и представлений от избирателей, их созвавших. Первый из указанных способов много предпочтительнее. Некоторые из приведенных уже соображений рассчитаны на то, чтобы показать, что и выборы, в силу природы их, не следует применять, кроме случаев необходимых. Предложить способы для законного созыва национальных собраний не представляет затруднений. Всего более подходящим было бы в согласии с опытом и навыками прошлого, чтобы всеобщие выборы происходили всякий раз, когда того потребует определенное число округов. Строгой справедливости и простоте всего более соответствовало бы, чтобы собрание происходило для двух округов или для двухсот, в точном соотношении к числу округов, выразивших пожелание о принятии этой меры.

Нет никаких разумных оснований отрицать, что возражения против демократии, раздававшиеся громче всего, совершенно рассеиваются в приложении к только что очерченной форме управления. Тут не кроется никаких возможностей для шумихи, для тирании-массы, упоенной неограниченной властью, для политического честолюбия немногих или для беспокойной зависти и подозрительности остальных. Здесь ни один демагог не смог бы найти подходящего случая превратить толпу в слепое орудие для своих целей. Люди при такого рода общественном строе сознавали бы свое благоденствие и дорожили бы им. Истинная причина, почему масса человечества столь часто становилась жертвой обмана со стороны мошенников, заключается в сложной и таинственной природе социальной системы. Если только уничтожить фокуснические приемы управления, самое

доморощенное разумение окажется вполне подготовленным к тому, чтобы разглядеть хитрости правящих государством шулеров, желающих вовлечь его в обман.

Книга V, глава XXIII. Отрывок.

8. Об уничтожении правительства

Политический авторитет национального собрания.— Присяжные.— Общие выводы.

Нам надо теперь решить, какую власть можно предоставить тому видоизмененному национальному собранию, который мы признали пригодным для нашей системы. Должно ли оно давать распоряжения всем членам конфедерации? Или же достаточно того, чтобы оно пригласило их сотрудничать в общих интересах и путем убеждений и обращений к ним доказало бы разумность предлагаемых мер? Вначале придется действовать первым способом. Позже достаточно будет второго пути. Совет амфикиононов{63} в Греции не обладал никакой властью, кроме той, что проистекала из личного авторитета его членов. По мере того, как будет искореняться партийный дух, как затихнут треволения общественной жизни и упростится политический механизм, получит признание голос разума. Обращение собрания к округам встретит одобрение всех рассудительных людей, кроме, конечно, случая, когда оно будет на столько спорно, что придется его отклонить.

Это замечание заставляет нас сделать еще один шаг. То отличие между приказанием и обращением, которое мы только что пояснили в случае с национальным собранием, может быть отнесено к особым собраниям или к присяжным отдельных округов. Надо думать, что вначале потребуется некоторая доля власти и насилия. Но эта необходимость проистекает не из природы человека, а из учреждения, которые его уже успели развратить. Человек первоначально не порочен. Он не отказался бы выслушивать доводы, обращенные к нему, и позволил бы убедить себя, если бы не привык считать их лицемерными и думать, что его сосед, его отец и представитель политической власти, претендующие на то, что ими руководит только чистое стремление блюсти его интересы, в действительности, соблюдают лишь свои собственные за его счет. Таковы роковые последствия сложности учреждений и опутывающей их тайны. Упростите социальную систему, как это властно диктуется всеми соображениями, кроме стремления к узурпации власти и происков честолюбия, осуществите простые требования справедливости в соответствии со всеобщим пониманием ее, устраните потребность в слепом повиновении, и весь род людской станет разумным и добродетельным. Тогда для присяжных будет достаточно лишь рекомендовать определенный способ разрешения споров, не претендуя на право навязывать решение. Присяжным достаточно будет предложить обидчику отказаться от своих заблуждений. Если в немногих случаях их доводы окажутся недостаточными, то зло, проистекающее из этого, будет менее существенным, чем то, которое происходит от постоянного лишения частных лиц права самим вершить правосудие. Но фактически не произойдет никакой беды, ибо когда господство разума будет общепризнанно, то обидчик либо сам охотно уступит доводам власти, либо, в случае своего сопротивления, он, даже не неся никакого личного ущерба, будет чувствовать такую тяготу от недвусмысленного осуждения общественным мнением и от его неусыпного наблюдения, что будет готов удалиться в другое общество, более сродственное его заблуждениям.

Читатель, вероятно, уже предвосхитил, на основании сказанного, мои конечные выводы. Если в конце концов присяжные перестанут выносить решения и ограничатся предложениями, если воздействие (илы будет постепенно устранено и можно будет полагаться на один разум, то не окажется ли в один прекрасный день, что сами присяжные и все другие виды публичных учреждений могут быть уничтожены как излишние? Не будет ли суждение одного разумного человека столь же действенно, как суждения двенадцати? Не будет ли компетентность одного человека в деле инструктирования своих соседей пользоваться таким признанием, чтобы позволить обходиться без формальностей, связанных с избранием? Разве придется исправлять много пороков и преодолевать много упорства? В этом будет заключаться одна из существеннейших стадий человеческого совершенствования. С каким восторгом должен каждый хорошо осведомленный доброжелатель человеческого рода предвкушать то счастливое время, когда уничтожится политическая власть, этот грубый механизм, служивший вековой причиной человеческих пороков; с самой сущностью власти, как достаточно убедительно показано в настоящей работе, неразрывно связано всякое зло, и оно не может быть устранено иначе, как путем полного ее уничтожения!

Книга V, глава XXIV.

9. О праве

Доводы, которыми его защищают.— Возражения.— Право обладает свойством: 1) Безграничности, в особенности в свободном государстве. — Причины этого порока. 2) Неясности.— Примеры из области права собственности.— Способ, которым его надо изучать.— 3) Мнимой способностью предвидеть будущие события.— Законы представляют собой вид обязательства.— Право препятствует свободе мнений.— Оно разрушает начала разума.— Бесчестность законоведов.— Честный юрист пагубен.— Уничтожение права диктуется требованиями благоразумия.— Спокойствие духа.— Природа человека.— Правосудие в будущем.— Ошибки, которые могут первоначально возникнуть.— Постепенное совершенствование.— Воздействие на уголовное право.— О собственности.

В деле суда над преступлениями есть вопрос, имеющий очень большое значение; это вопрос о методе, которым надо пользоваться при классификации преступлений и при последующем определении степени наказания. Вопрос этот приводит нас непосредственно к изучению права, которое бесспорно представляет собой важнейший предмет, подлежащий ведению человеческого рассудка. В странах, считающих себя цивилизованными, именно право служило до настоящего времени тем критерием, который позволяет оценивать все преступления и правонарушения, подвергающиеся общественному осуждению. Надо добросовестно рассмотреть достоинства такого метода.

Люди, изучавшие этот вопрос, видели с одной стороны право, а с другой — неограниченный произвол деспота и сравнивали их между собой. Но если мы хотим добросовестно оценить достоинства права, то надо изучить его само по себе, а затем, если это окажется необходимым, изыскать наиболее пригодные начала, способные его заменить.

Праву ставят в заслугу, что оно «дает членам общества представление о принципах, которые будут положены в основу оценок их действий». Считается величайшим неправосудием «судить людей на основании закона *ex post facto*{64} или любым другим способом, кроме как по букве закона, формально установленного и правильно опубликованного».

Теперь мы рассмотрим, насколько целесообразно отказываться от этого принципа. С первого взгляда ясно, что он имеет очень большое значение в тех странах, где законодательство произвольно и капризно. Если в какой-нибудь стране будет считаться преступным ношение одежды из определенной ткани или употребление пуговиц известного вида, то естественным будет требование, чтобы законодательство ознакомило членов общества с теми нелепыми правилами, которым оно намерено следовать. Но если общество может удовлетвориться правилами справедливости и не претендует на право исказить или расширять эти правила, то очевидно, что право было бы для него менее нужным установлением. Правила же справедливости можно легче и с большим успехом изучить в процессе живого общения внутри человеческого общества, не связанного никакими путями предрассудков, чем при помощи катехизисов и юридических сводов[27].

[27] См. кн. VI, гл. VIII{65}.

Нет более ясного положения, чем следующее: каждое дело заключает в себе самую норму. Никогда два человеческих действия не были совершенно одинаковы, т. е. не обладали одинаковой степенью полезности или вредности. Казалось бы дело правосудия заключается в том, чтобы распознавать качества людей, а не смешивать их, как это практиковалось до сих пор. К чему привела в отношении права попытка вершить правосудие? При появлении новых казусов, право всегда оказывается недостаточным. Как могло бы быть иначе? Законодатель не обладает неограниченной способностью предвидения и не в состоянии определить того, что беспредельно. Таким образом, остается альтернатива: либо исказить право для охвата им такого случая, которого законодатель не предусмотрел, либо же создать новый закон, предназначенный для этого особого случая. В первом направлении делалось очень много. Крюкотворство юристов и искусство, с которым они совершенствуют законы и искажают их смысл, вошли в поговорку. Но хотя они сделали много в этом направлении, однако не всего можно было достигнуть таким способом. Поэтому постоянно возникает потребность в новых законах. Для того чтобы устранить возможность обхода закона, его часто делают многословным, подробным и обстоятельным. Тома, содержащие предписания, постоянно разрастаются, и весь мир не сможет вместить тех книг, которые еще должны быть написаны.

Следствием безграничности права является его неопределенность. А это прямо нарушает принцип, положенный в его основу. Ведь законы созданы для того, чтобы положить конец двусмысленностям и чтобы каждый человек знал, на что он должен рассчитывать. Как же отвечают законы этой задаче? Порой случается, что самый знаменитый адвокат в королевстве или первый юрисконсульт короны заверяет в несомненно успешном исходе моего дела за пять минут до того, как другой служитель права, титулуемый хранителем королевской совести, совершая неожиданный фокус, решает его наперекор моим интересам. Разве исход мог быть таким неопределенным, если бы я должен был довериться

жюри, составленному из моих соседей с их простым, неиспорченным здравым смыслом, отражающимся на их общем представлении о правосудии? Право — это лабиринт без выхода; оно содержит множество противоречий, из которых невозможно выпутаться. Изучение законов позволяет юристу найти в них достаточно убедительные, может быть, даже неопровержимые основания для рассмотрения каждой проблемы в любом аспекте; но предположение, что изучение права может дать знание исхода и уверенность в нем, свидетельствовало бы только о полном безумии.

Другое соображение, доказывающее нелепость права в наиболее общем его понимании, заключается в его пророческом характере. Ведь цель его сводится к предвидению человеческих поступков и к предписанию решений, относящихся к ним. Право стремится не меньше, чем религиозные верования, катехизисы и церковные постановления, привести человеческий рассудок в неподвижное состояние и установить принцип неизменности там, где беспрерывно действует способность к совершенствованию, которая представляет собой единственный благодетельный элемент сознания.

Легенда о Прокрусте{66} дает нам бледное представление о непрерывных усилиях права. Пренебрегая великим принципом натурфилософии, гласящим, что во всей вселенной нет и двух атомов материи одинаковой формы, право стремится свести к одному стандарту человеческие поступки, представляющие результат тысячи изменчивых элементов. Наблюдение над системой права привело к странному изречению, гласящему, что «неукоснительная справедливость часто оказывается величайшей несправедливостью»[28]. В попытке отнести поведение всех людей к нескольким типам не больше настоящей справедливости, чем в попытке свести всех людей к одному масштабу.

[28] Summum jus summa injuria{67}.

На основании всех этих соображений можно без колебаний сделать общий вывод, что право является установлением, несущим самые губительные последствия.

Истинный принцип, который следует подставить на место права, заключается в том, что разум должен осуществлять неограниченную юрисдикцию в отношении обстоятельств каждого судебного дела. С точки зрения благоразумия не может быть никаких возражений против этого принципа. Нельзя предполагать, что не существует сейчас людей, интеллектуальное совершенство которых соответствовало бы уровню, достигнутому правом. Иногда говорят, что оно создано мудростью наших предков. Но это странный самообман; существующие нормы права чаще были продиктованы страстями людей, иногда их робостью, подозрительностью, склонностью к оригинальности и жадной властью, не знающей предела. Но если среди нас есть люди, мудрость которых равняется мудрости права, то нельзя утверждать, что истина, провозглашенная ими, станет менее убедительной от того, что она будет опираться не на власть, а только на разум, подкрепляющий истину.

Каковы бы то ни были неудобства, создаваемые людскими страстями, установление твердых законов не представляет надежного лекарства. Теперь посмотрим, как действовали бы страсти и как они развивались бы в случае, если бы люди были предоставлены на собственное усмотрение. Неопытность и чрезмерное усердие могут побудить меня обуздать

моего соседа в его неправильных действиях путем наказаний и всяческого понуждения, преднамеренно применяемого для исправления заблуждений. Но разум разоблачает безумие такого способа действий и учит меня, что если этот человек не привыкнет полагаться на силу интеллекта, то он никогда не достигнет достойного состояния, свойственного разумному существу. Пока человек находится в оковах послушания и по привычке ждет, чтобы его поведением руководили другие, его сознание и сила духа будут находиться в состоянии дремоты. Если я желаю, чтобы он проявил всю ту энергию, на которую способен, то я должен возбудить его самосознание, научить его не склоняться ни перед какими авторитетами, рассматривать те принципы, которых он сам придерживается, и давать отчет в основаниях своих поступков собственному рассудку.

Навыки, благодетельные для отдельных людей, будут одинаково благотворны и в делах общества. Люди сейчас слабы, потому что им всегда говорили, что они слабы и им не следует полагаться на самих себя. Освободи те их от оков, предложите им изучать, рассуждать и судить, и вы скоро увидите, как они станут совершенно другими существами. Скажите им, что у них есть страсти, что порой они действуют слишком поспешно, несдержанно и неправильно, но что они все же должны сами за себя отвечать. Скажите им, что горы пергамента, в которые их закопали, пригодны только для того, чтобы внушать почтение в век предрассудков и невежества, что отныне мы будем зависеть только от непосредственного чувства справедливости, что если бы даже их страсти были огромны, то они должны применить столь же огромную энергию для их подавления, а если их решения будут несправедливы, то за эту несправедливость ответственны будут они сами. Результат такого положения вещей скоро обнаружится: сознание людей разовьется до уровня требуемого положением, а присяжные и третейские суды проникнутся сознанием важности возложенной на них задачи.

Поучительная картина представится при наблюдении за постепенным установлением правосудия, когда установится тот порядок, который здесь рекомендуется. Возможно, что вначале будет некоторое, небольшое количество решений нелепых или суровых. Но авторы этих решений заплатят непопулярностью я бесчестьем, в чем они сами будут виновны.

Каково бы ни было в действительности первоначальное происхождение права, им вскоре начали дорожить как прикрытием для угнетения. Его неясность вводила в заблуждение вопрошающий взгляд пострадавших. Его древность служила для того, чтобы отвлечь большую часть озлобления от виновников неправосудия на авторов закона, и еще более для того, чтобы укротить это озлобление посредством суеверного почтения к закону. Ведь было хорошо известно, что неприкрытое, обнаженное угнетение не может не пасть жертвой собственных деяний.

Юридические решения, вынесенные непосредственно после отмены права, мало чем будут отличаться от решений, которые выносились во время его господства. Они будут продиктованы предрассудками и привычкой. Но сила воздействия привычки, утратившей тот центр, вокруг которого она накапливалась, начнет постепенно уменьшаться. Лица, которым будет поручено вынесение решений по делам, понемногу поймут, что дела эти переданы им для обсуждения, и неизбежно начнут сами себе задавать вопрос о разумности начал, считавшихся до того бесспорными. Их кругозор будет расширяться параллельно с

тем, как будут расти сознание важности доверенной им обязанности и неограниченная свобода расследования. Тогда начнется новый, многообещающий порядок вещей, результаты которого не могут предвидеть существующие сейчас люди, даже если они проницательны: тогда будет развенчано слепое доверие и начнется эра неомраченного правосудия.

Преступления, совершенно различные по разнообразию видов развращенности, из которой они проистекали, не будут больше соединяться под одним общим именем. Присяжные станут столь же проницательны в различении преступлений, сколь они сейчас не способны распознавать значение разных поступков и характеров.

Рассмотрим результаты отмены права в отношении собственности. Как только рассудок людей начнет понемногу отучаться от жестокого единообразия теперешней системы, они начнут стремиться к справедливости. Предположим, что при таком положении на их рассмотрение будет передано дело о спорном наследстве, на которое претендуют пять наследников, причем по решению суда при старой системе вся спорная собственность должна была быть разделена на пять равных долей. Они начнут с расследования потребностей и положения всех истцов. Предположим, что первый из них окажется человеком с хорошей репутацией, процветающий материально; он почтенный член общества, но новые средства мало прибавят к его полезности или к его радостям. Второй истец — неудачник, гибнущий от нужды и обремененный всякими бедствиями. Третий хотя и беден, но его добродетели дают ему право претендовать на определенное положение, в котором его заслуги могли бы быть очень велики, но которое он не может принять, не владея капиталом в две пятых всего наследства. Один из истцов — это незамужняя женщина, перешедшая тот возраст, когда она могла бы еще иметь детей. Другая истица — вдова без средств и с большой семьей, зависящей от ее поддержки. Первый вопрос, который возник бы перед непредвзятыми лицами, получившими поручение вынести свободное решение относительно распределения наследства, сводился бы к тому, насколько справедливо разделение на равные доли, применявшееся до сих пор. Это был бы один из первых толчков, которые постепенно потрясли бы существующую сейчас систему собственности.

Читатель, прочтя эту главу, не сможет не заметить, что право является только функцией политической власти и должно исчезнуть, когда исчезнет надобность в этой силе, если только воздействие истины не заставит еще раньше искоренить его из человеческой практики.

Примечания

{1} *Фригольд* — свободное держание или наследственное земельное владение, возникшее в период господства в Англии феодальных общественных отношений. Фригольд не нес феодальных повинностей.

Копигольд — держание или владение по копии; в этом случае собственник земли, лорд, получал от крестьянина-копигольдера земельную ренту. На право владения землей крестьянину вручалась выписка из протокола — копия, откуда и название этого рода владения. Копигольдеры представляли в XVI—XVIII вв. основную массу лично свободного крестьянства Англии.

Манор (от латинского глагола *maneo* — проживаю) — название феодальной вотчины в Англии. В маноре хозяйство лорда основывалось на феодальной эксплуатации вначале крепостного, а позже — лично свободного крестьянина.

{2} Автор ссылается на кн. II, гл. II «О справедливости», в которой трактует ее не в отвлеченно-моральном, а в общественном аспекте.

{3} Годвин ссылается на ту же главу, о которой говорится в предшествующем примечании.

{4} *Свифт Джонатан* (1667-1745) — английский писатель-сатирик, ранее примыкал к партии вигов, затем к тори, но впоследствии порвал с обеими партиями, как представлявшими интересы земельной аристократии и торгово-промышленной буржуазии. Свифт стал знаменитостью благодаря «Путешествиям Гулливера» (1726), в которых под видом страны лилипутов изобразил Англию с ее социальной несправедливостью и алчностью богачей. В способность существующего общества к совершенствованию Свифт не верил.

{5} Годвин ссылается на первое послание апостола Павла коринфянам. В указанной 3-й главе Павел пишет, что говорил с ними не «как с духовными, но как с плотскими», и далее: «я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах».

{6} *Бёрк Эдмунд* (1729—1797) — английский политический деятель и реакционный публицист. В своем сочинении «Размышления о французской революции» («Reflections on the revolution in France», 1790) отразил страх английской социальной верхушки перед французской буржуазной революцией.

{7} *Земельная рента* — доход собственника земли, не зависящий от его предпринимательской деятельности; представляет часть прибавочного продукта, который создается трудящимися в сельском хозяйстве и присваивается собственником земли.

{8} *Огильви Вильям* (1736-1819) — английский экономист. Опираясь на теорию естественного права, требовал превращения безземельных батраков в мелких земельных собственников и такого обложения крупной земельной собственности, которое поглотило бы ренту. Его труд «Исследование о праве собственности на землю, основывающемся на естественных законах» («An Essay on the right of property in land with respect to its foundation in the law of nature») впервые был издан анонимно в 1782 г. и оказал влияние на Годвина.

{9} *Платон* (427-347 до н. в.) — древнегреческий философ-идеалист. В своем сочинении «Государство» проводил мысль о том, что идеальное государство основывается на разделении функций между тремя группами граждан: между правителями-философами, воинами и ремесленниками совокупно с земледельцами. Частная собственность и семья казались Платону источником осложнений, поэтому воинов он лишает права их иметь, чтобы они всецело посвятили себя заботам об охране государства. Обязанность воспитывать детей Платон возлагает на государство.

{10} *Мор Томас* (1478-1535) — английский мыслитель-гуманист, предвозвестник идей утопического социализма, изложенные им в «Золотой книге, столь же полезной, как забавной, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии»; книга эта была впервые издана в 1516 г.

{11} В гл. VI, ч. IV «Путешествий Гулливера», на которую ссылается здесь Годвин, Свифт дает изображение Англии. Он пишет между прочим: «Благодаря огромному значению денег богатые подчиняют себе бедных и пользуются плодами их трудов. На каждого богача приходится более тысячи бедных».

{12} *Мабли Габриель Бонно* (1709-1785) — французский политический мыслитель, основывавшийся на теории естественного права; источником власти является, по его учению, народ, имеющий право менять форму правления. Мабли был врагом частной собственности, приведшей людей к неравенству, но считал, что возвращение к полному равенству уже невозможно, вследствие укоренившихся страстей, созданных частной собственностью. Его книга «О законодательстве» (*De la législation ou principes des lois*) вышла в 1776 г.

{13} *Уоллес Роберт* (1697-1771) — английский экономист, автор работ о народонаселении. В 1753 г. опубликовал «Рассуждение о численности населения в древнее и новое время». Упомянутая Годвином книга «Various prospects of mankind, nature and providence» («Различные стороны человечества, природы и провидения») вышла в 1761 г.; она касалась тех же вопросов народонаселения и стимулировала интерес Мальтуса к этим проблемам.

{14} *Юм Давид* (1711-1776) — английский философ, историк и экономист. Его «Очерки» («Essays») вышли в 1741—1742 гг.

{15} Годвин ссылается на кн. VIII, гл. VII.

{16} *Крит* — остров. В греческих преданиях существовало стойкое представление о мудрых законах Крита. Это традиционное представление сохранилось вплоть до XVIII в.

Спарта — древнегреческое государство. В хозяйстве древней Спарты основное значение имело земледелие; торговля и ремесла не играли большой роли. Господствующий класс — спартиаты — составляли общину равных и должны были вносить определенное количество продуктов для общих трапез. Все они имели установленные для них наделы земли, но обрабатывали ее илоты, эксплуатируемая часть населения, жившая на земле спартиатов и сдававшая им определенную часть урожая. В XVIII в. порядки Спарты считались многими образцом «справедливого» строя, строя равенства; их установление приписывалось согласно античной традиции Ликургу.

Перу — государство в западной части Южной Америки. Племена индейцев, населявшие эту страну, были покорены индейским племенем инков, которые в середине XV в. образовали государство со своеобразным общественным порядком. Правящий слой общества жил за счет труда крестьян-земледельцев. Земля считалась принадлежащей верховному вождю, но обрабатывали ее крестьяне, образовавшие соседские общины, причем переделы происходили ежегодно. В XVIII в. было широко распространено представление о «коммунизме» инков.

Парагвай — государство в Южной Америке; страна, первоначально населенная индейцами, была в XVI в. захвачена Испанией; колонизацию возглавили иезуиты, создавшие на юго-востоке страны своеобразное иезуитское государство, просуществовавшее до конца XVIII в. Земля обрабатывалась закрепощенными индейцами, что не помешало созданию легенды о «коммунистическом» государстве в Парагвае.

{17} Годвин ссылается на кн. II, гл. III «Об обязанностях», где он пишет: «Нет ничего более редкого, чем чистое и беспримесное лицемерие. Мы не совершаем в своей жизни ни одного действия, для которого мы в момент его совершения не нашли бы оправдания, за исключением случаев простой беззаботности и беспечности». Из этого он заключает, что нет таких человеческих поступков, которые не претендовали бы на звание добродетельных.

{18} Автор ссылается на кн. V, гл. XVI «О причинах войн», где утверждает, что войны были бы невозможны, если бы государства не способствовали накоплению отдельными людьми собственности в ущерб остальным согражданам.

{19} *Огильви* — см. прим. 8.

{20} *Мандевиль Бернар* (1670(?)-1733) — философ и сатирик, голландец по происхождению, живший в Англии и писавший на английском языке. В своей сатире «Басня о пчелах или о частных пороках, составляющих выгоду для общества» («The fable of the bees, or private vices — public benefits», 1705) становится на позиции утилитаризма и утверждает, что людские пороки стимулируют деятельность людей и содействуют прогрессу.

{21} *Ковентри Генри* (1710-1752) — автор книги «Philemon to Hydaspes, relating a conversation with Hortensius upon the subject of false religion» («Беседа о ложной религии»), вышедшей в пяти частях в 1736-1744 гг.

{22} В своих «Очерках» («Essays») Юм доказывает, что при моральной оценке поступков надо исходить из их общественной полезности. Роскошь считается источником всякого зла, но Юм думает, что она содействует повышению трудолюбия и развитию ремесел, и потому ее моральная оценка должна быть пересмотрена.

{23} Годвин ссылается на кн. IV, гл. VIII «О принципах добродетели», в которой доказывает, что по мере своего совершенствования люди научатся согласовывать свои личные желания с требованиями отвлеченной справедливости и соображениями общего блага.

{24} *Эпикур* (342-270 до н. э.) — греческий философ, положивший в основу этики принцип удовольствия. Его система получила название эпикуреизма. Эпикур утверждал, что упразднение страданий, создаваемых лишними потребностями, заботами и страхами, обеспечивает состояние устойчивого удовольствия.

{25} Годвин ссылается на кн. IV, гл. VII «О механике человеческого сознания», где он утверждает непрерывность потока мыслей. «Дело обстоит так, что на наше тело непрерывно действует бесчисленное количество возбудителей и самый слабый из них не доходит с ясностью до сознания только вследствие того, что более сильный возбудитель преодолевает его».

{26} *Франклин Бенджамин* (1706-1790) — американский политический деятель, экономист и физик, участвовавший в составлении Декларации независимости и конституции Соединенных Штатов. Экономические идеи его были не оригинальны, он заимствовал их отчасти у писателей меркантильной школы, а позже у физиократов. В области физики известен своими исследованиями электричества и изобретением громоотвода.

{27} *Ликург* — легендарный руководитель и законодатель древней Спарты, будто бы установивший социальный и политический порядок, существовавший в исторической Спарте. См. выше прим. 16.

{28} *Илоты* — земледельческое население древней Спарты, прикрепленное к земле, которая принадлежала землевладельческой и военной знати; илоты считались собственностью государства, но находились в положении рабов у спартиатов.

{29} Годвин ссылается на кн. VI, гл. VIII «О народном образовании», в которой он высказывается против передачи государству дела образования и воспитания детей потому, что публичные учреждения легко усваивают, по его мнению, косные приемы и тем множат предрассудки, что единообразие в них вредно для развития сознания, наконец, потому, что будучи орудием правительства, они служат его целям.

{30} Годвин ссылается на кн. VIII, гл. V.

{31} *Фемистокл* (ок. 525 — ок.460 до н. а.) — государственный деятель и полководец древних Афин. Фемистокл стремился к усилению морской мощи Афин, одержал победу в морской битве с персами у острова Саламин в 480 г. до н. э., был изгнан из Афин под воздействием землевладельческой аристократии, противодействовавшей его политике.

{32} *Смит Адам* (1723-1790) — английский экономист, представитель классической буржуазной политической экономии. Содействовал разработке теории трудовой стоимости. В области экономической политики был сторонником свободы внешней торговли и невмешательства государства в хозяйственную деятельность. Важнейший его труд — «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776).

{33} *Уоллес* — см. примеч. 13.

{34} Цитата из «Екклезиаста», одной из книг библии; название этой книги означает по-гречески проповедника в собрании.

{35} *Франклин* — см. прим. 26.

{36} *Прайс Ричард* (1723-1791) — английский публицист и философ, выступал в печати за независимость американских колоний и против войны с ними; занимался проблемами этики.

Морган Вильям (1750-1833) — английский экономист, писал о росте расходов европейских государств на военные нужды, ведущем к их разорению. Одна из его работ посвящена обзору статей Прайса о финансах Англии.

{37} *Кранмер Томас* (1489-1556) — архиепископ Кентерберийский, проводил реформу в католической церкви в Англии в духе лютеранства. После восстановления католичества, осужденный на казнь огнем, прежде чем взойти на костер, сжег свою правую руку, которой в минуту слабости подписал под принуждением отречение от своих взглядов.

{38} *Муций Сцевола* — легендарный герой древнего Рима. Во время покушения в 507 г. до н. э. на этрусского царя, который осаждал Рим, был схвачен, и для доказательства своего презрения к смерти сжег руку на огне.

{39} *Тезей* — легендарный царь древних Афин, совершивший по преданию множество подвигов.

{40} *Ахилл* (или *Ахиллес*) — герой древнегреческой мифологии, подвиги которого изображены в «Илиаде» Гомера.

{41} Гл. VII дается нами с сокращениями. Опушены весьма наивные рассуждения и не имеющие никакого научного значения соображения Годвина о беспредельных возможностях воздействия психической природы человека на его тело, в частности, о возможности достижения бессмертия.

{42} Годвин ссылается здесь на кн. V, гл. III «О частной жизни коронованных особ», где говорит, что с точки зрения королей «благосостояние порождает мятеж и что народ надо держать в бедности и в лишениях для того, чтобы сделать его покорным»,

{43} *Аддисон Джозеф* (1672-1719) — английский писатель и поэт, в своей трагедии «Катон» («Cato») вложил в уста римлян либеральные речи во вкусе близких автору вигов.

{44} Годвин ссылается на кн. II, гл. III «Об обязанностях», см. прим. 17.

{45} В Спарте имущественное равенство существовало для господствующей верхушки — спартиатов, составлявших общину равных (см. прим. 16). Рабский труд применялся очень широко, особенно в земледелии. Неравенство было очень сильно выражено даже в период относительной устойчивости ее строя.

{46} Аграрные законы в Риме преследовали цель наделения землей крестьян и проводились в значительной степени для обеспечения военной мощи римского государства. Первым по времени был закон 133 г. до н. а., проведенный народным трибуном Тиберием Гракхом. Крестьянство наделялось участками до 30 югеров на правах наследственной аренды за счет общественных земель без права отчуждения, причем все, захватившие ранее большие участки, должны были всю землю сверх 1000 югеров, или 250 га, вернуть государству для раздачи. Аграрная реформа Тиберия Гракха была отменена в 111 г. до н. э. В 103 г. до н. э. народный трибун Апулей Сатурнин провел закон о наделении ветеранов землей с той же целью возрождения крестьянства.

{47} Золотой век — в греческой мифологии и поэзии — первая и наилучшая эпоха в истории человеческого рода, когда земля приносила в изобилии свои плоды, а люди жили якобы без забот и страданий. Представление о золотом веке часто связывалось с представлением об отсутствии власти и частной собственности.

{48} Налог для бедных входил как составная часть в целый комплекс английских узаконений и положений, представлявших так называемый «старый закон о бедных», подвергшийся пересмотру в 1834 г. Начало старому закону о бедных было положено в 1601 г. Налог для бедных взимался с членов приходских общин, для затрат на обучение ремеслам детей, родители которых не могли содержать их, для подыскания работы беднякам, способным к труду, и для денежной помощи тем, кто по возрасту или инвалидности не мог работать. Так как эти расходы при обострившихся социальных противоречиях не давали видимого результата, то в XVIII в. был принят ряд законодательных новелл — об учреждении знаменитых работных домов, о выплате пособий фермерам, бравшим к себе бедняков, и др. Расходы за счет налога достигли к 1718 г. почти 8 млн. фунтов стерлингов.

{49} Законы об охоте в Англии охраняют право охоты на зверей и дичь владельцев земельных угодий. Охота без их разрешения рассматривается судами как нарушение владения.

{50} Постоянные войны, огромные расходы на двор, жестокая эксплуатация трудового народа привели, с одной стороны, к обнищанию французских трудящихся, с другой — к крайнему расстройству государственных финансов дореволюционной Франции и к огромному дефициту в государственном бюджете. В своих попытках разрешить проблему финансовой реорганизации революционные правительства Франции были ограничены, условиями борьбы с внутренней контрреволюцией и внешней интервенцией.

{51} Поземельный налог в Англии взимался не с земельной площади, а с дохода, даваемого землей, что при упадке земледелия приводило к уменьшению налоговых поступлений.

{52} *Локк Джон* (1632-1704) — английский философ, в 1685 г. издал «Two treatises on government» («Два трактата о правительстве»), в которых обосновывал идеи народного суверенитета и общественного договора. Энгельс называл Локка «сыном классового компромисса 1688 года» между английской буржуазией и феодальной аристократией (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. письма. М., 1953, стр. 429).

{53} *Фильмер Роберт* (1604-1688) — английский политический писатель. В сочинении «Patriarcha of the natural power kings» («Об естественном праве королей»), вышедшей в 1646 г., развивает теорию божественного происхождения королевской власти, которая основывается на божьей воле и не может подвергаться ограничениям.

{54} «Common Sense» («Здравый смысл») принадлежит перу Томаса Пэна (1737-1809). Пэн — английский прогрессивный политически деятель, переселился в 1774 г. в Америку, где опубликовал в 1776 г. названное сочинение. Этот республиканский памфлет, получивший широкую известность вследствие защиты в нем права угнетенных на восстание, сыграл свою роль в национально-освободительном движении Соединенных Штатов. В 1787 г. Пэн вернулся в Англию и выступил против внешней политики Питта.

Когда Бёрк издал в 1790 г. свой контрреволюционный трактат «Размышления о французской революции», то Пэн написал ответ — «Права человека» (1791-1792), получивший большое распространение.

В 1792 г. департамент Калэ (Франция) избрал его в национальный Конвент, где он, однако, разошелся с якобинцами. Пэн был сторонником национализации земли, уничтожения имущественного неравенства и страхования от безработицы.

{55} *Рейналь Гийом* (1713-1796) — французский политический писатель и деятель. В своей книге, вышедшей во Франции в 1770 г. под названием «Философская и политическая история заведений и коммерции европейцев в обеих Индиях», написанной при участии Дидро и Гольбаха, он критикует феодально-абсолютистский строй, католическую церковь и колониальный гнет.

{56} *Пизистрат* — афинский деятель, захвативший власть в Афинах в 560 г. до н. э., при поддержке беднейших земледельцев и пастухов. Пизистрат сумел привлечь к себе сочувствие афинского демократического населения. Правил до своей смерти в 527 г.

{57} *Перикл* (490-429 до н. э.) — вождь афинской демократии, поднял значение Афин как морской державы и, используя для этого казну всего Афинского союза, построил ряд зданий, сохранивших свою славу до наших дней (Парфенон, Пропилеи).

{58} *Остракизм* — так называлось в Афинах право народных собраний (VI в. до н. э.) изгонять на 10 лет негодных граждан в целях защиты государственного строя — рабовладельческой демократии. Остракизм был важным орудием партийной борьбы афинских, политических группировок. Имя изгоняемого писалось участниками народного собрания на глиняных черепках — «остраках», откуда произошло и само название.

{59} *Мильтиад Младший* — знаменитый афинский полководец, руководивший битвой при Марафоне в 490 г. до н. э. во время войны с персами. Потерпев затем частичную неудачу, был по возвращении в Афины брошен в тюрьму как изменник, где и умер в 489 г. до н. э.

{60} *Аристид* (540-465 до н. э.) — афинский государственный и военный деятель эпохи греко-персидских войн. Внутренняя политическая борьба в Афинах привела к временному изгнанию Аристида из Афин.

{61} *Фокион* (402-318 до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец; считая, что афинское государство может быть сильно только при условии соглашения с македонским царем, стоял за уступки ему, провел ограничение демократии в Афинах и допустил захват Пирея македонцами, за что приговорен к смерти и был вынужден выпить яд — цикуту.

{62} Годвин ссылается на кн. II, гл. VI «О выполнении частными лицами обязанностей судьи», где настаивает на нецелесообразности наказания преступника, так как наказание представляет собою акт насилия одного человека над другим, менее сильным, что противоречит требованиям справедливости.

{63} *Амфиктионией* (т. е. союзом амфиктионов) назывались у древних греков союзы племен, представители которых собирались на общие празднества и обсуждали при этом дела союза. Известен союз, представители которого собирались при храме Аполлона в Дельфах,

{64} «*Ex post facto*» (латин.) — означает рассмотрение какого-либо обстоятельства на основании принципов, установленных после появления самого факта. Применяется главным образом в криминологии и означает, что проступок не может быть судим на основании закона, принятого после его совершения.

{65} Ссылка относится к кн. VI, гл. VIII «О народном образовании», где говорится о том, что вследствие склонности публичных учреждений, ведающих образованием, к неизменности и постоянству, они становятся источником предрассудков, препятствующих дальнейшему расширению знаний.

{66} *Прокруст* (буквально «вытягиватель») — мифический греческий великан-разбойник, который заманивал к себе путников, укладывал на ложе, причем тем, у кого ноги были короче этого ложа, вытягивал их, а тем, у кого были длиннее, отрубал. Отсюда выражение «прокрустово ложе».

{67} «*Summun jus summa injuria*» (латин.) — поговорка, означающая, что жесткое применение права часто приводит к величайшей несправедливости.